

Литвиц и Крейцберг
Matériaux pour servir à l'histoire des sectes russes. Livraison 4.

LES DOUKHOBORS AU BATAILLON DISCIPLINAIRE.

Prix: 1 fr. 25 cms.; 1 sh.; 25 cts.; 1 Mrk.; K. 1.25; 50 kon.

МАТЕРІАЛЫ КЪ ИСТОРИИ И ИЗУЧЕНІЮ РУССКАГО СЕКТАНСТВА.

Выпускъ 4-й.

ДУХОВОРЦЫ
ВЪ ДИСЦИПЛИНАРНОМЪ БАТАЛЬОНѢ.

Подъ редакціей

В. и А. Чертковыхъ.

НЕ ВЪ СИЛѢ ВОРЪ.
А ВЪ ПРАВДѢ.

Издание „Свободнаго Слова“.

№ 53.

A. Tchertkoff.

Christchurch, Hants, England.

1902.

Изданія „Свободнаго Слова“ можно приобрѣсти
въ слѣдующихъ мѣстахъ :

Les éditions de la „Parole Libre“ peuvent être obtenues dans
les librairies suivantes :

АНГЛІЯ (Angleterre).

- Asher & Co. 13, Bedford Street, Covent garden, London, W. C.
F. R. Henderson, Libr. 26, Paternoster Square, London, E. C.
Grevel & Co. Library. 33, King Street, London, W. C.
H. K. Lewis, Publisher. 136, Gower Street, London, W. C.
Mudie's Select Library. New Oxford Street, London, W. C.
Nilsson & Co (Booksellers). 16-18, Wardour Str., London, W.
David Nutt. 57—59, Long Acre, London, W. C.
Russian Free Library. 16, Church Lane, London, E.
R. F. P. Fund Co. 15, Augustus Road, Hammersmith, London,
F. A. Brockhaus. 48, Old Bailey, London, E. C. [W.
Simpkin, Marshall, Hamilton & Co. 31-32, Paternoster Row,
[London, E. C.
Truslove & Hanson. 6 B, Sloane Street, London, S. W.
" " " 143, Oxford Street, London, W.
Williams & Norgate. 14, Henrietta Street, Covent garden,
[London, W. C.
Hirschfeld Bros, Publishers. 13, Furnival Street, Holborn,
[London, E. C.
Hachette & Co. Library. 18, King William Str., Charing Cross,
[London.
Kegan Paul, Trench, Trübner & Co. Paternoster House, Cha-
[ring Cross Road, London.
Bauermeister. Bookseller. 49, Gordon Str, Glasgow.
Sampson Low, Marston & Co. St. Dunstan's house, Fetter
[Lane, London, E. C.

АВСТРІЯ (Autriche).

- Gebethner i Sp. Librairie, Crakovie (Krakòw), Galicia.
Gubrynowicz i Schmidt. Librairie, Lemberg (Lwòw), Galicia.
Jout Barvic. Knihkupectvi. Brno (Brünn), Morawia.
A. Piša, knihkupectvi. 13, Rudolfova ulice, Brno. Morawia.
Grossman a Svoboda. Ferdinandova trida, Praha, Bohemia.
Höfer & Kloucek. Knihkupectvi. 24, Ruzova ulice, Praha.
I. L. Kober. Knihkupectvi. 736, Vodickova ulice, Praha.
F. Topic. Librairie française. 9, Ferdinandova trida, Praha.
Stark'sche Buchhandlung. Karlsbad, Böhmen.
Wilhelm Frick. Hofbuchhandlung. 27, Graben, Wien.
L. Rossner. Buchhandlung. 16, Franzensring, Wien.
G. Georgi, Buchhandlung. Kurort Arco Riva a/ Gardasee.
Ksiegarnia Polska. Plac Maryacki, l. 11. Lemberg (Lwòw).
E. A. Götz. Buchhandlung. Franzensbad.
Wilhelm Braumüller & Sohn. 21, Graben, Wien.

(См. 3-ю стр. обложки.)

Matériaux pour servir à l'histoire des sectes russes. Livraison 4.

LES DOUKHOBORS AU BATALLION DISCIPLINAIRE.

МАТЕРІАЛЫ КЪ ИСТОРИИ И ИЗУЧЕНІЮ РУССКАГО СЕКТАНСТВА.

Выпускъ 4-й.

ДУХОВОРЦЫ ВЪ ДИСЦИПЛИНАРНОМЪ БАТАЛЬОНѢ.

Подъ редакціей

В. и А. Чертковыхъ.

ВЕ ВЪ СЯЛЪ БОРЪ,
А ВЪ ПРАВДЪ

Издание „Свободнаго Слова“.

№ 53.

A. Tchertkoff.

Christchurch, Hants, England.

1902.

Заявленіе отъ Издательства „Свободное Слово“.

Настоящій выпускъ IV-й нашихъ „*Матеріаловъ*“ былъ задержанъ, вслѣдствіе совершенно непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, и потому выходитъ поздне уже появившагося выпуска VI*).

Считаемъ необходимымъ здѣсь заявить, что намъ пришлось отказаться, къ большому нашему сожалѣнію, отъ сотрудничества В. Д. Бончъ-Бруевича въ редактированіи настоящаго и послѣдующихъ нашихъ выпусковъ по сектантскому движенію, равно какъ и отъ завѣдыванія имъ нашимъ сектантскимъ архивомъ. Причиной этому была выяснившаяся за послѣднее время слишкомъ крайняя противоположность между его и нашими взглядами на характеръ и значеніе сектантскаго движенія.

Но расходясь по соображеніямъ чисто принципиальнымъ, мы выражаемъ нашу глубокую и сердечную признательность В. Д. Бончъ-Бруевичу, какъ за весь его прошлый трудъ по собиранію для насъ свѣдѣній о сектантахъ, такъ и вообще за его дѣятельную помощь лично намъ въ нашемъ издательскомъ предпріятіи, въ особенности въ первое время организаціи дѣла, когда такая помощь была особенно намъ нужна и дорога.

Пользуемся здѣсь случаемъ, чтобы также упомянуть съ благодарностью и о любезномъ содѣйствіи В. М. Величкиной, принявшей нѣкоторое участіе при составленіи настоящаго сборника.

Имѣя на рукахъ богатый матеріалъ по исторіи одного изъ замѣчательнѣйшихъ религіозныхъ движеній въ русскомъ народѣ, извѣстнаго подъ названіемъ духоборческаго, — мы считаемъ своимъ долгомъ приложить всѣ старанія для обнародованія его. Намъ удалось уже издать четыре выпуска**), благодаря полученнымъ пожертвованіямъ, и мы не теряемъ надежды, что найдутся еще люди, которые заинтересуются неопубликованнымъ еще матеріаломъ и помогутъ намъ осуществить изданіе его.

*) „Преслѣдованіе баптистовъ (евангелической секты)“.

**) Первые три: I. Письма П. В. Веригина; II. Разъясненіе жизни христіанъ, и III. Разсказъ Васи Позднякова — вышли подъ редакціей В. Д. Бончъ-Бруевича.

Въ настоящее время нѣсколько выпусковъ почти готовы къ печати, но за неимѣніемъ средствъ не могутъ быть еще изданы; а именно слѣдующіе :

1. Духоборцы въ тюрьмахъ и ссылкахъ по кавказскимъ ауламъ.
2. Духоборцы въ ссылкѣ въ Сибири.
3. Избіеніе духоборовъ. Разсказъ офицера о его бесѣдѣ съ сотникомъ Прагой.
4. Страданія за истинный путь, записки духобора В. Попова. Кавказская жизнь, записки духобора Ф. Вышлова, и Записки духобора С. П. Веригина.
5. Воспоминанія духоборцевъ объ экзекуціяхъ. Сорокодневная экзекуція, записки духобора Е. Каныгина. Описаніе экзекуціи 1860 г. духобора И. Обросимова. Воспоминанія духоборовъ села Богдановки.
6. Разсказъ духоборцевъ о прошлой жизни. Записки Плотникова, И. Омонова, М. Махортовой, И. Обросимова и др.
7. Исторія раздѣленія духоборцевъ, записанная И. М. Трегубовымъ со словъ духоборовъ П. Планидина и И. Ивина.
8. Избранные псалмы изъ „Животной книги“.

Всѣхъ намѣченныхъ выпусковъ по духоборческому движенію предполагается нами издать около 15-ти. О содержаніи слѣдующихъ за вышепоименованными будетъ объявляться [по мѣрѣ выхода въ свѣтъ каждаго новаго выпуска.

А. и В. Чертковы.

Іюнь 1902 г.

Отъ Редакціи.

Съ тѣхъ поръ, какъ, въ 1895 году, мы впервые услышали о гоненіяхъ на духоборовъ, мы успѣли подробно ознакомиться съ исторіей этого замѣчательнаго движенія, выразившагося такъ ярко и самобытно сначала въ единичныхъ, а потомъ и въ массовыхъ отказахъ отъ военной службы. Въ настоящемъ выпускѣ мы предлагаемъ читателю часть собраннаго нами матеріала, относящагося лишь до одного только фазиса духоборческаго движенія, а именно отдѣльныхъ отказовъ духоборовъ, изъ которыхъ бѣольшая часть сопровождалась страшными мученіями отказавшихся въ дисциплинарномъ батальонѣ. Впослѣдствіи мы надѣемся, по мѣрѣ возможности, издавать дальнѣйшіе выпуски по этому самому предмету, могущіе въ свое время послужить источниками для составленія послѣдовательной исторіи всего движенія.

Нашъ собственный взглядъ на духоборческій протестъ и на безпримѣрно жестокія гоненія, которымъ духоборы были за него подвергнуты, мы уже высказали въ нашей брошюрѣ „Гдѣ братъ твой?“*); и такъ какъ она въ настоящее время вышла изъ обращенія, то мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ нея, касающихся наиболѣе выдающихся чертъ духоборческаго движенія и, главнымъ образомъ, основной, т. е. религіозной его стороны.

Наша человѣческая природа такъ создана, что мы невольно испытываемъ сочувствіе ко всякому проявленію мужества и безстрашія, независимо отъ того, одобряемъ ли мы или нѣтъ то дѣло, съ которымъ они связаны. Даже разбойникъ, когда онъ съ отчаянной отвагой отбивается отъ окружившихъ его преслѣдователей, привлекаетъ наше сочувствіе; а на войнѣ тѣмъ большій почетъ оказывается плѣннику, чѣмъ упорнѣе онъ дрался.

Если мы такъ относимся къ тѣмъ, кто защищаются съ оружіемъ въ рукахъ и убиваютъ другихъ для того, чтобы отстоять свою собственную жизнь или свободу, то тѣмъ большее уваженіе мы, естественно, питаемъ къ людямъ, никому не наносящимъ ни малѣйшаго вреда и жертвующимъ

*) „Гдѣ братъ твой?“ В. Черткова. № 11. Изданій „Своб. Сл.“ 1898 г.

собою ради идеи, которой они себя посвятили душою и тѣломъ. Если же идея эта заключается въ любви ко всѣмъ людямъ и въ воздержаніи отъ всякаго поступка, противнаго любви, и если ради такого принципа человекъ жертвуетъ своимъ личнымъ благосостояніемъ и жизнью, безстрашно перенося самыя мучительныя лишенія, страданія и насилія, то мы не можемъ не преклониться передъ его поведеніемъ и не почувствовать къ нему самаго живого состраданія въ его мученическомъ подвигѣ.

Справедливость такого нашего инстинктивнаго отношенія ко всякимъ проявленіямъ самоотверженія во имя любви подтверждается, съ другой стороны, религіознымъ сознаніемъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Исповѣдуемое же нами христіанское ученіе воздвигаетъ любовь, миръ и благоволеніе между людьми въ наивысшую добродѣтель, къ достиженію которой должны быть направлены всѣ наши усилія.

При этихъ условіяхъ, какъ странно и неправдоподобно, какъ дико звучитъ одно только предположеніе о томъ, что въ наше время въ Россіи могутъ быть люди, которые подвергаются жесточайшимъ гоненіямъ и страданіямъ единственно за то, что они слишкомъ серьезно и искренно относятся къ христіанскому ученію и, проникнувшись его духомъ, никому не хотятъ вредить, никого не рѣшаются убивать. А между тѣмъ это не предположеніе, а дѣйствительный фактъ.

Въ Россіи, въ настоящую минуту, есть люди, такъ чистосердечно и простодушно увѣровавшіе въ ученіе Христа о недѣланіи другому того, чего не желаешь себѣ, о любви къ врагамъ, о всеобщемъ братствѣ всѣхъ людей, — что они на самомъ дѣлѣ не хотятъ нарушать этого ученія, и, скорѣе, чѣмъ убивать или учиться убивать своего ближняго, предпочитаютъ сами страдать и умирать за свою любовь къ нему. И рядомъ съ ними въ той же Россіи, сумѣвшей воспроизвести это новое поколѣніе истинныхъ христіанъ, находятся другіе люди, рѣшающіеся преслѣдовать, мучить и доводить ихъ до смерти за то, что они слишкомъ увѣровали въ любовь и, проникшись ею, слишкомъ проявляютъ ее въ своихъ поступкахъ.

Можно было бы подумать, что эти люди, преслѣдующіе своихъ братьевъ за чрезмѣрную любовь, охвачены ненавистью къ добру или кровавадною потребностью мучить и убивать. Но въ дѣйствительности этого нѣтъ.

Тѣ изъ мучителей, которые собственнолично совершаютъ эти насилія, только исполняютъ распоряженія своего начальства. Сами же, находясь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ своими жертвами, они не только не питаютъ къ нимъ ни малѣйшей ненависти, но, наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ удивляются ихъ необычайной добродѣтели, уважаютъ ихъ за ихъ мужество и стойкость, и, внутренно сострадая имъ, въ глубинѣ души совѣстятся своей постыдной роли, отъ которой не въ силахъ отказаться единственно потому, что ихъ матерьяльное благополучіе зависитъ отъ безпрекословнаго исполненія служебныхъ обязанностей...

Какимъ же образомъ могутъ имѣть мѣсто эти безчеловѣчныя преслѣдованія лучшихъ людей нашего времени, эти ужасающія злодѣянія, подобіе которыхъ мы привыкли связывать развѣ только съ эпохами Нероновъ или средневѣковыхъ инквизицій?

Причина здѣсь та же, которая лежитъ въ основаніи большей доли современнаго намъ общественнаго зла. По природѣ своей люди добры и чутки; но сознание ихъ съ дѣтства искажено, и вмѣсто того, чтобы согласовать свои поступки съ естественными и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшими побужденіями своей души, они подчиняются тѣмъ искусственнымъ и ошибочнымъ понятіямъ, въ которыхъ были воспитаны, и въ которыхъ продолжаютъ другъ друга взаимно поддерживать...

Преслѣдуя, въ интересахъ государства и церкви, людей, никого не хотящихъ убивать и потому отказывающихся отъ военной службы, они (представители государственнаго начала) морятъ голодомъ, холодомъ и всевозможными лишеніями этихъ людей вмѣстѣ съ ихъ женами и сестрами, дѣтьми и стариками, однихъ ссылая въ самые отдаленные края, другихъ ставя въ такія условія, что они поголовно болѣютъ и вымираютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они тщательно скрываютъ все это отъ другихъ людей, стараясь зажать ротъ каждому, кто заступаетъ за ихъ жертвы, и спѣша припрятать подальше тѣхъ, кто разглашаетъ эти злодѣянія.

И совершая все это, они говорятъ съ нѣкоторою долей искренности: „Конечно намъ жаль этихъ фанатиковъ несбыточной мечты всеобщаго братства; но что же дѣлать? Если каждому предоставить жить по своей совѣсти, то скоро всѣ откажутся отъ военной службы; а не будетъ войска, не будетъ и государства. Передъ безопасностью государства все остальное отступаетъ на второй планъ. Какъ людямъ, намъ жаль причинять страданія; но какъ представители власти, мы должны защищать неприкосновенность существующаго порядка, хотя бы для этого намъ и нужно было пожертвовать нашими личными чувствами. Все, что мѣшаетъ государству, должно — *исчезнуть*“.

И дѣйствительно исчезаетъ то, что мѣшаетъ государству; но исчезаетъ не христіанское сознание среди людей, (оно, наоборотъ, отъ такихъ гоненій только глубже и шире развивается), — а исчезаетъ послѣдняя искра Божья въ душахъ этихъ изувѣровъ церковно-государственной религіи.

За то, съ другой стороны, одновременно съ этими гоненіями и въ связи съ ними, все больше и больше, слава Богу, увеличивается число людей, убѣждающихся въ нравственной несостоятельности существующаго строя. Эти люди, которымъ удалось сохранить или возстановить свою врожденную вѣру въ добро, на первое мѣсто выдвигаютъ не то или другое человѣческое учрежденіе, а — правду и любовь. Они вѣрятъ въ силу добра и знаютъ, что оно никакъ не можетъ нуждаться въ дѣланіи зла; они знаютъ также, что злые поступки никакъ не могутъ привести къ добру. И потому лишь только они убѣждаются въ невозможности существованія того или другого учрежденія безъ совершенія для его под-

держанія злыхъ поступковъ, то одно это уже служить для нихъ достаточно нагляднымъ и несомнѣннымъ доказательствомъ того, что учрежденіе это, какимъ бы громкимъ именемъ оно ни называлось, и какимъ бы ни казалось незамѣнимымъ, — есть зло и заблужденіе, и, какъ таковое, никакъ не можетъ быть дѣйствительно необходимымъ для блага людей.

Когда этимъ людямъ говорятъ, что для поддержанія существующаго порядка законъ долженъ карать тѣхъ, которые отказываются убивать своего ближняго, то они видятъ въ этомъ не порядокъ, а — уродливое извращеніе всякаго порядка; не законъ, а дерзкое нарушеніе истиннаго закона. Всѣмъ своимъ существомъ сознаютъ они въ этомъ самое преступное возмущеніе противъ воли Божьей...

Читателю вѣроятно извѣстно, что въ послѣднее время въ Россіи, такъ же, какъ и въ другихъ странахъ, стали увеличиваться случаи отказовъ отъ воинской повинности по религіознымъ убѣжденіямъ. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи былъ цѣлый рядъ единичныхъ отказовъ; а на Кавказѣ, среди такъ называемыхъ духоборцевъ, отказы эти приняли массовый характеръ.

Но если читатель принадлежитъ къ правительственной средѣ, то ему, вѣроятно, не извѣстны истинныя обстоятельства, при которыхъ совершались и которыми сопровождались эти отказы.

Одно изъ характернѣйшихъ свойствъ русской государственной организаціи заключается въ совершенной невозможности дохожденія до высшей распорядительной власти истинныхъ свѣдѣній о томъ, что происходитъ въ Россіи. О большей части фактовъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, представители высшей власти вовсе не узнаютъ; о другой же части — узнаютъ лишь въ самомъ извращенномъ видѣ.

И иначе быть не можетъ. При отсутствіи свободы печати и при крайней правительственной централизаціи, русскій государственный механизмъ какъ бы нарочно устроенъ для того, чтобы, по мѣрѣ восхожденія свѣдѣній по административнымъ ступенямъ, отцѣживалось все, могущее обличить недостатки или ошибки должностныхъ лицъ, и чтобы уцѣлѣвшія послѣ этого процесса свѣдѣнія принимали наиболѣе для этихъ лицъ выгодный обликъ. О томъ, на примѣръ, что происходитъ въ любой деревнѣ, низшій представитель правительственной власти, урядникъ, по неизбѣжнымъ условіямъ своего официальнаго положенія, знаетъ меньше всякаго мѣстнаго крестьянина. Но даже и изъ того немногаго, что ему извѣстно, онъ своему ближайшему начальнику, становому, одного вовсе не доносить, изъ опасенія компрометировать себя или накликать на себя лишнія хлопоты, а другое доносить въ наиболѣе для себя выгодномъ и, слѣдовательно, извращенномъ видѣ. Такъ же поступаетъ становой съ исправникомъ, исправникъ съ губернаторомъ и т. д. Такимъ образомъ оказывается, что чѣмъ выше служебное положеніе правительственнаго лица, тѣмъ меньше оно знаетъ, и тѣмъ сомнительнѣе даже тѣ свѣдѣнія, которыя до

него доходятъ. Такъ что меньше всѣхъ людей въ Россіи знаетъ правду Государь, а послѣ него меньше всѣхъ знаетъ ее то лицо, которое докладываетъ ему о томъ, что дѣлается въ Россіи.

Правда, что среди сотенъ тысячъ служащихъ за деньги или изъ тщеславія лицъ, кое гдѣ разсѣянъ небольшой процентъ вполне честныхъ и, по своему, добросовѣстныхъ. Но наличность этихъ исключеній нисколько не измѣняетъ положенія дѣла, такъ какъ, вслѣдствіе своей относительной малочисленности, они въ лучшемъ случаѣ только чуть чуть задерживаютъ, но никакъ не останавливаютъ этотъ процессъ отцѣживанія и извращенія восходящихъ свѣдѣній. Правда также, что отъ времени до времени происходитъ нѣкоторое частичное разоблаченіе истины, вслѣдствіе внезапной переменѣны должностныхъ лицъ, случайнаго проскальзыванія свѣдѣній неофициальнымъ путемъ, или же какихъ-либо другихъ столь же исключительныхъ причинъ. Но разоблаченія эти, только минутно освѣщая, — и то весьма слабой вспышкой свѣта и на самомъ ограниченномъ пространствѣ, — настоящую дѣйствительность, тотчасъ же смѣняются прежнимъ мракомъ.

Правительства, пользующіяся свободой слова и печати, несмотря на все остальное зло, присущее имъ, какъ насильственнымъ системамъ правленія, свободны, по крайней мѣрѣ, отъ этой необходимости постоянно дѣйствовать въ потьмахъ, такъ какъ лица, служація этимъ правительствамъ, не зная, что можетъ завтра проскочить въ печать, волей неволей стараются возможно безотлагательнѣе доносить по начальству полную и точную правду.

Въ Россіи такая система неприложима, такъ какъ русскіе государственные люди слишкомъ боятся разглашенія того, что они сами дѣлаютъ, и что дѣлается въ Россіи. Если-бы имъ предоставлено было выбрать одно изъ двухъ: или самимъ не знать правды, или же всѣмъ ее знать, то они, вѣроятно, предпочли бы первое, какъ наименьшее, по ихъ мнѣнію, зло, — такъ боятся они, что существующая форма правленія не выдержала бы свѣта полной гласности. Къ тому же они большею частью наивно убѣждены, что никто лучше ихъ не можетъ знать правды.

Вотъ почему читатель, если онъ принадлежитъ къ правительственной средѣ и не имѣетъ никакихъ постороннихъ свѣдѣній, — не можетъ вѣрно знать ни вообще о томъ, что дѣлается въ Россіи, ни въ частности того, что творится надъ людьми, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ отказавшимися отъ военной службы...

Мирно жили въ Россіи нѣсколько десятковъ тысячъ добрыхъ, разумныхъ и трудолюбивыхъ людей, достойныхъ составлять гордость своего отечества. Наивысшая добродѣтель, — чувство гуманности, — была въ нихъ такъ развита, что, соглашаясь исполнять какія угодно правительственныя требованія, они отъ одного только рѣшительно отказывались, — убивать или обижать своего брата-человѣка. Не только полная без-

вредность, но и высокія нравственныя достоинства этихъ замѣчательныхъ людей были признаны всѣми. Послѣ періода жесточайшихъ преслѣдованій, которыя они выдержали, какъ геройскіе мученики, духоборцы были, въ концѣ концовъ, самимъ правительствомъ избавлены отъ воинской повинности, наравнѣ съ менонитами. Для послѣднихъ эта повинность замѣнилась сторожевою службою въ казенныхъ лѣсахъ; духоборцы же стали отбывать свою кару въ видѣ ссылки въ самыя неплодородныя мѣстности Закавказья, съ суровымъ климатомъ, обогащая край обращеніемъ этихъ земель въ производительныя поля и цвѣтушіе луга. Жили они такъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, въ любви между собой и съ сосѣдями, и въ мирѣ съ правительствомъ, цѣнимые и уважаемые всѣми, кто только приходили въ соприкосновеніе съ ними. Не было на Кавказѣ народа болѣе трудолюбиваго и полезнаго, болѣе рослаго, сильнаго и красиваго, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользовавшагося бѣльшимъ довѣріемъ со стороны какъ мѣстныхъ жителей, такъ и представителей самого правительства. Объ этомъ въ одинъ голосъ свидѣлствуютъ всѣ, бывавшіе на Кавказѣ. Даже такой ярый охранитель государственной власти, какъ Императоръ Николай Павловичъ, не нашелъ нужнымъ ихъ трогать. Все шло спокойно и хорошо; и правительство не имѣло ни малѣйшей причины сожалѣть о той „гуманности“, которую оно, въ видѣ исключенія, позволило себѣ въ этомъ случаѣ проявить. Воздержаніе этихъ людей отъ участія въ военной службѣ не вызвало никакихъ государственныхъ усложненій даже во время послѣдней турецкой войны, въ теченіе которой духоборцы, вѣрныя себѣ, не принимали никакого боеваго участія, и только согласились, по просьбѣ властей, подвозить продовольствіе русскимъ войскамъ, когда солдатамъ грозило бѣдствіе голода. Такъ же спокойно обстояло дѣло и послѣ войны; и такимъ же продолжалось бы оно и до сего дня, — еслибъ не одно неожиданное обстоятельство.

Кому то изъ начальствующихъ генераловъ, увлеченному педантической маніей подведенія всего подъ одинъ шаблонъ, пришла въ голову злополучная мысль распространить обязательность воинской повинности и на этихъ людей, игнорируя особенность ихъ религіозныхъ вѣрованій. Мысль эта имѣла успѣхъ, и въ 1886 году появился новый законъ, требующій, чтобы рѣшительно всѣ поступали на военную службу, не исключая и тѣхъ, для которыхъ служба эта противна совѣсти, и которые были поэтому съ давнихъ поръ отъ нея избавлены.

И вотъ прямымъ слѣдствіемъ этой безумной, ничѣмъ не вызванной и никому не нужной мѣры явился тотъ кровавый рядъ злодѣяній, совершенныхъ и до сихъ поръ еще совершаемыхъ правительствомъ надъ безобидными людьми, виновными только въ слѣдованіи требованіямъ своей совѣсти, — явленіе, навсегда долженствующее служить позорнѣйшимъ клеймомъ на современномъ русскомъ государственномъ строѣ...

Новый законъ засталъ духоборцевъ какъ разъ въ одинъ изъ тѣхъ временныхъ періодовъ нравственнаго упадка, которые составляютъ неиз-

бѣжный удѣлъ всякаго развитія, какъ личнаго, такъ и общественнаго. Жизнь ихъ продолжала быть трудолюбивой, и основнымъ принципамъ своей вѣры они въ сознаниі своемъ не измѣнили; но внутренняя ихъ жизнь замѣтно ослабла, и, вслѣдствіе этого, въ ихъ личное поведеніе постепенно вкрались привычки распущенности: многіе стали употреблять вино и табакъ и вообще проявлять меньше воздержности въ жизни.

Около того же времени, вслѣдствіе подкупа мѣстныхъ властей, духоборцы неожиданно лишились всего своего болѣе, чѣмъ полумилліоннаго, общественнаго имущества, что естественно послужило для нихъ не только матерьяльнымъ ударомъ, но и сильнѣйшимъ душевнымъ потрясеніемъ.

Кромѣ того, нѣсколько наиболѣе любимыхъ и уважаемыхъ своими товарищами духоборцевъ подверглись далекой ссылкѣ за то, что они протестовали противъ этого грабежа. Такая насильственная разлука съ товарищами, при необычайной взаимной привязанности, отличающей духоборцевъ, была для нихъ тяжкимъ испытаніемъ, которое не могло пройти безслѣдно. Все это, вмѣстѣ взятое, способствовало тому, что духоборцы находились въ состояніи душевнаго броженія, съ одной стороны способные отчасти отступить отъ наиболѣе строгихъ требованій своего сознаниа, а съ другой готовые при новомъ сильномъ толчкѣ опять воспрянуть духомъ. Случилось съ ними и то, и другое.

Къ призыву на военную службу они не могли внутренне не отнестись отрицательно, ибо незаконность ея всегда составляла одинъ изъ основныхъ принциповъ ихъ вѣры, воспринятыхъ каждымъ изъ нихъ съ молокомъ матери. Но на этотъ разъ, подъ вліяніемъ своего временно пониженнаго состояніа духа, они разрѣшили себѣ компромиссъ, наружно подчинившись требованію поступленія на военную службу. При этомъ, однако, они сохранили твердое намѣреніе, въ случаѣ войны, не принимать дѣйствительнаго участія въ убійствѣ; и въ этомъ смыслѣ родители каждый разъ напутствовали своихъ сыновей передъ ихъ уходомъ на призывъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ, отъ 1887 до 1895 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ теченіе этого же періода опредѣлилось и духовное возрожденіе духоборцевъ. Потеря общественнаго имущества и разлука съ любимыми товарищами подготовили почву; а требованіе отъ нихъ военной службы довершило дѣло. Возобновленіе изъ году въ годъ этихъ призывовъ къ воинской повинности, исполнять которую они соглашались лишь противъ совѣсти, постоянно ставило ребромъ самый центральный для духоборцевъ вопросъ совѣсти и обличало ихъ двуличное поведеніе. Наконецъ чаша переполнилась, и духоборцы воспрянули отъ охватившей ихъ духовной спячки. Они отнеслись къ постигнувшимъ ихъ бѣдствіямъ, какъ къ карѣ Божьей за ихъ охлажденіе въ служеніи Ему, и, покаявшись, опять обратились къ своимъ традиціоннымъ вѣрованіямъ со всею горячностью и самоотверженіемъ, которыми прежде отличались. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого подъема духа было ихъ возвращеніе къ прежней воздержности въ жизни, уничтоженіе развившагося между ними имуще-

ственного неравенства и рѣшительный отказъ принимать всякое дальнѣйшее участіе въ военной службѣ...

Для всякаго человѣка, сколько-нибудь знакомаго съ внутреннимъ характеромъ духоборческаго движенія, не можетъ быть и тѣни сомнѣнія въ томъ, что никакой временный упадокъ духа, какимъ бы нравственнымъ пониженіемъ въ ихъ жизни онъ ни сопровождался, — не въ состояніи искоренить изъ сознанія духоборцевъ тѣ вѣрованія, которыми они такъ давно и такъ глубоко проникнуты. Съ самаго дѣтства воспитанные въ чистыхъ и возвышенныхъ завѣтахъ, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и закрѣпленныхъ преданіями о мученическихъ подвигахъ ихъ отцовъ и предковъ, — духоборцы не смогли бы, даже еслибъ захотѣли, сбросить съ себя достигнутое ими духовное сознаніе и спокойно жить наперекоръ всѣмъ требованіямъ своей совѣсти и своего разума. Для этого имъ нужно было бы непрерывно одурманивать себя какими-нибудь искусственными средствами, заглушая этимъ совѣсть и притупляя разумъ, какъ на самомъ дѣлѣ въ настоящее время и дѣлаютъ, при помощи вина, табака, мяса, разврата, погони за наживою, — измѣнившіе своей совѣсти духоборцы такъ называемой „малой партіи“. Но среди людей, подобно духоборцамъ, на самихъ себѣ испытавшихъ все благо, всю радость духовной жизни, и привыкшихъ требованіямъ этой жизни подчинять всѣ свои интересы, — только нѣкоторая часть могла согласиться на душевное самоубійство; какъ на дѣлѣ и подтвердилось.

Человѣческое сознаніе, разъ поднявшееся на извѣстную высоту, не имѣетъ послѣ этого никакой возможности спуститься ниже и перестать признавать тѣ истины, которыя оно уже признало. Поэтому во внѣшней жизни оно никогда не можетъ окончательно помириться съ тѣмъ, что противорѣчитъ требованіямъ раньше достигнутаго уровня своего развитія. Человѣкъ, признавшій нравственную незаконность всякаго человѣкоубійства, можетъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ, поступить, противъ совѣсти, на военную службу; но никакъ не можетъ въ глубинѣ своей души оправдать такое поведеніе; и, если только доживетъ до восстановления душевнаго равновѣсія, непременно опомнится и откажется служить. Такъ было и съ духоборцами...

Духовное возрожденіе духоборцевъ было послѣдствіемъ не пропаганды, а естественнаго хода ихъ собственной внутренней жизни въ связи съ внѣшними обстоятельствами, которымъ они подверглись. Еще въ прошломъ столѣтіи и въ первой половинѣ нынѣшняго они поступали совершенно такъ же, какъ поступили теперь; и въ настоящемъ ихъ поведеніи не было рѣшительно ничего новаго противъ того, какъ они поступали раньше. До сознанія незаконности военной службы они дошли самостоятельно и больше столѣтія тому назадъ, съ тѣхъ поръ нисколько не измѣнивъ своего внутренняго отношенія къ этому вопросу; а потому имъ не нужно было никакого внѣшняго воздѣйствія для того, чтобы признать то, что они всегда признавали. Если же, временно согласившись противъ

совѣсти служить, они нуждались во внѣшнемъ толчкѣ для того, чтобы опомниться и снова стать на ноги, то, конечно, для этого не могло быть достаточнымъ теоретическое сообщеніе имъ нѣсколькими пришлыми людьми тѣхъ самыхъ нравственныхъ истинъ, въ которыя они никогда не переставали вѣрить. Съ другой стороны, еслибъ кто захотѣлъ искусственно ускорить въ духоборцахъ то нравственное возрожденіе, которое во всякомъ случаѣ должно было, раньше или позже, наступить, то для этой цѣли нельзя было бы придумать ничего болѣе подходящаго, чѣмъ то самое, что сдѣлало съ ними правительство. Тотъ рядъ бѣдствій и испытаній, которымъ оно, какъ выше указано, подвергло духоборцевъ, былъ какъ бы нарочно рассчитанъ на то, чтобы ихъ хорошенько встряхнуть и разбудить. И они дѣйствительно проснулись...

„Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ“.

Одинъ изъ представителей правительства, посланный для производства среди духоборцевъ дознанія по поводу событій послѣднихъ двухъ лѣтъ, быстро переѣзжалъ для этой цѣли изъ одного духоборческаго селенія въ другое. Пріѣзжая въ новое селеніе, онъ созывалъ къ себѣ духоборцевъ и ставилъ имъ самые разнообразные вопросы, преимущественно въ связи съ ихъ отношеніемъ къ правительству. Подозрѣвая, какъ большинство правительственныхъ лицъ, подъ ихъ поведеніемъ скрытое враждебное отношеніе къ властямъ, онъ думалъ неожиданностью своихъ вопросовъ застигнуть ихъ врасплохъ и заставить кого-нибудь изъ нихъ проговориться. Но кого онъ ни спрашивалъ, всѣ съ одинаковою кротостью, и вмѣстѣ съ тѣмъ твердостью и достоинствомъ, отвѣчали ему до такой степени одно и то же, и даже въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, что, наконецъ, изумленный, онъ воскликнулъ: „Да у васъ между собой тайные телефоны, что ли, устроены?“

И онъ безсознательно былъ правъ. Люди, принявшіе ученіе Христа въ его простомъ и прямомъ значеніи, и старающіеся жить въ его духѣ, дѣйствительно всѣ соединяются между собой сѣтью телефонныхъ сообщеній. Имъ стоитъ на мгновеніе мысленно отвлечься и подойти къ находящемуся въ душѣ каждаго изъ нихъ телефонному аппарату, для того, чтобы тотчасъ же соединиться съ Главной Станціей и оттуда войти въ сношеніе съ кѣмъ пожелаютъ изъ своихъ братьевъ по духу. Но ихъ Главная Станція находится не въ томъ или другомъ отдѣльномъ человѣкѣ, какъ воображаютъ люди, только извнѣ наблюдающіе дѣйствіе этого взаимнаго сообщенія. Она находится въ томъ общемъ Источникѣ жизни, къ которому обращался Христосъ, говоря: „Какъ Ты, Отче, во мнѣ, и я въ тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино“. Но этого не могутъ понять тѣ, кто вѣрятъ только проволочнымъ соединеніямъ и полагаются только на матерьяльныя средства для достиженія своихъ цѣлей...

Духоборцы отличаются вниманіемъ и почтительностью ко всякому человѣку, съ которымъ имѣютъ дѣло; но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда держатъ

себя съ замѣчательнымъ достоинствомъ. Приглашаетъ ихъ на допросъ прѣвзкій начальникъ, — они охотно къ нему идутъ, обстоятельно отвѣчаютъ на всѣ его вопросы; но при этомъ спокойно садятся съ нимъ рядомъ на лавку. Указываетъ онъ имъ на примѣръ Государя, поощряющаго то самое, что они считаютъ противнымъ своей совѣсти, — они невозмутимо отвѣчаютъ ему, что Государь — человекъ, такъ же, какъ и всѣ, способный грѣшить и ошибаться. Привыкшій къ подобострастію генераль удивляется, возмущается, усматриваетъ въ такомъ поведеніи несомнѣнные признаки анархизма. Въ дѣйствительности же, здѣсь ничего нѣтъ, кромѣ простоты, правдивости и достоинства.

Терпя самыя ужасныя страданія, духоборцы жалѣютъ своихъ мучителей. „Прости Господи, гонителей нашихъ“, говорятъ они, „спаси души ихъ, отвори ихъ отъ пути беззаконія“.

Отвѣчая одному начальнику, который спрашивалъ ихъ, въ чемъ они готовы слушаться властей, и въ чемъ отказываются повиноваться, одинъ духоборъ сказалъ: „дайте намъ въ руки крошечный камушекъ и скажите бросить его въ человекъ, — мы не можемъ этого сдѣлать; но скажите намъ переваливать съ мѣста на мѣсто самый тяжелый камень, — это мы охотно будемъ дѣлать“.

Слова эти въ точности выражаютъ характеръ того „возмущенія противъ государства“, въ которомъ обвиняютъ духоборцевъ представители власти, не понимающіе ихъ поведенія и неспособные оцѣнить по достоинству дѣтское чистосердечіе и рѣдкое благородство этихъ замѣчательныхъ людей...

Въ настоящее время человѣческое сознаніе уже доросло до признанія принципа вѣротерпимости и свободы совѣсти. Принципъ этотъ настолько уже завоевалъ себѣ всеобщее признаніе, что, даже въ Россіи, мало кто рѣшается открыто его оспаривать; и самыя крайніе фанатики православія, люди наиболѣе отличающіеся своей изувѣрной нетерпимостью, находятъ нужнымъ торжественно провозглашать, во всеуслышаніе Европы, что у насъ существуетъ свобода совѣсти, и при томъ, будто бы, даже въ большей степени, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, возможность безпрепятственнаго нарушенія на дѣлѣ этого словесно исповѣдуемаго принципа обезпечивается двумя искусными оговорками: во-первыхъ, о томъ, что въ Россіи признается свобода совѣсти, но не свобода пропаганды; и во-вторыхъ, что, при полной свободѣ совѣсти у насъ, не можетъ допускаться нарушеніе общегосударственныхъ требованій.

Такая постановка вопроса представляется, на первый взглядъ, вполне разумной, и, къ сожалѣнію, многіе не замѣчаютъ кроющагося подъ ней противорѣчія.

Всѣмъ извѣстно, что одно изъ неизбѣжнѣйшихъ условій всякой искренней вѣры, какой бы то ни было, состоитъ не только въ непреодолимой душевной потребности, но и въ признаніи священной обязанности словомъ и жизнью передавать другимъ то, что человѣкъ считаетъ истиной, и въ чемъ видитъ благо. И потому всякій искренно вѣрующій человѣкъ всегда, въ этомъ смыслѣ, будетъ и никакъ не можетъ не быть пропагандистомъ. Не пропагандистомъ можетъ быть только такой человѣкъ, который или вѣритъ не искренно, или же вовсе не вѣритъ, т. е. равнодушенъ къ истинѣ. Слѣдовательно, первая оговорка, если выразить ее прямо и просто, обозначаетъ то, что въ Россіи вѣротерпимость допускается только по отношенію къ людямъ, не искренно вѣрящимъ, или вовсе ни во что не вѣрящимъ.

Всѣмъ также извѣстно, что другое неизбѣжное условіе всякой искренней вѣры заключается въ признаніи для себя обязательности повиновенія тому началу, въ которое вѣришь, предпочтительно передъ какими бы то ни было человѣческими предписаніями. Слѣдовательно, когда требованія государства противорѣчатъ тому, что человѣкъ сознаетъ для себя волей Бога, то всякій искренній и честный человѣкъ сочтетъ для себя обязательнымъ повиноваться требованіямъ своей совѣсти, хотя бы при этомъ и пришлось отказаться отъ исполненія противорѣчащихъ имъ правительственныхъ предписаній. И потому вторая оговорка, откровенно выраженная, обозначаетъ то, что въ Россіи свобода совѣсти допускается только для тѣхъ людей, которые ставятъ приказанія „начальства“ выше требованій своего Бога.

Говоря коротко и ясно, вѣротерпимость, въ томъ видѣ, въ которомъ она существуетъ въ Россіи, не позволяетъ человѣку, расходящемуся съ государственной церковью, ни словами высказывать, ни на дѣлѣ осуществлять то, во что онъ вѣритъ; но за то позволяетъ ему думать что угодно; т. е. не запрещаетъ ему только то, чего запретить нѣтъ никакой возможности. И, какъ это ни странно, многіе чистосердечные люди, попадаясь на удочку этого ловкаго софизма, наивно вѣрятъ фикціи о существованіи вѣротерпимости въ Россіи...

Пора представителямъ русской правительственной власти освободиться отъ столь глубоко въ нихъ вкоренившагося ошибочнаго представленія о томъ, будто народъ существуетъ для государства; и понять, что, для людей, защищающихъ государственную власть, единственнымъ ея оправданіемъ, съ ихъ же собственной точки зрѣнія, можетъ, въ настоящее время, служить попеченіе о благѣ народа, т. е. признаніе существованія государства для народа. И потому задача всякаго сколько нибудь просвѣщеннаго правителя, не желающаго отставать отъ нравственнаго и умственнаго уровня своего времени, заключалась бы въ томъ, чтобы со вниманіемъ и уваженіемъ слѣдить за развитіемъ сознанія въ своемъ народѣ, за всѣми возникающими передовыми общественными движеніями, за каждымъ новымъ проявленіемъ потребности, отдѣльныхъ ли личностей,

или собраній людей, въ лучшей, высшей, болѣе нравственной и любовной жизни; и, осторожно приглядываясь къ этимъ явленіямъ, *примѣняться* къ нимъ, старательно раздвигая для нихъ ставшія слишкомъ узкими рамки прежнихъ государственныхъ понятій для того, чтобы предоставить возможность свободнаго развитія всякому благому стремленію.

И если отнести съ этой болѣе просвѣщенной государственной точки зрѣнія къ замѣчательному по своей нравственной высотѣ духоворческому движенію, то пришлось бы не гнать, истязать, прятать, истреблять этихъ лучшихъ людей нашего времени, не стараться стереть ихъ съ лица земли, за невозможностью насильно втиснуть ихъ поведеніе въ предѣлы давно застывшихъ государственныхъ формъ; но пришлось бы позаботиться о томъ, чтобы оживить, расширить, подвинуть впередъ эти формы такъ, чтобы онѣ пришли въ соотвѣтствіе съ требованіями времени, и могли, если не вмѣстить въ себѣ, то, по крайней мѣрѣ, не стѣснять развитія этого свѣтлаго, радостнаго движенія, дѣлающаго честь русскому народу и благодѣтельнаго для всего человѣчества. Опасаться слѣдуетъ не того, что та или другая государственная форма можетъ пострадать отъ свободнаго развитія такого движенія, а — того какъ бы существующая государственная форма по своей отсталости не оказалась препятствіемъ къ осуществленію тѣхъ лучшихъ, болѣе праведныхъ и разумныхъ взаимныхъ отношеній между людьми, которыя движеніе это вводитъ въ человѣческую жизнь.

Такъ несомнѣнно разсудилъ бы просвѣщенный правитель, если бы онъ нашелся; и, дѣйствуя сообразно этому, онъ оказалъ бы своей родинѣ величайшую услугу, какую, въ своемъ положеніи государственнаго дѣятеля, онъ оказать въ состояніи. И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ скоро убѣдился бы на опытѣ, что ни къ какимъ общественнымъ бѣдствіямъ такой образъ дѣйствія не привелъ бы, несмотря на опасенія и страхи отжившихъ свое время русскихъ администраторовъ, воспитанныхъ на дикихъ азіатскихъ традиціяхъ ничѣмъ не обузданнаго, ни къ чему не приспособляющагося и ни передъ чѣмъ не останавливающагося государственнаго произвола.

В. Ч.

Духоборцы въ дисциплинарномъ батальонѣ.

Краткое изложеніе прошлаго духоборцевъ.*)

Послѣ такъ называемаго торжества христіанства, а на самомъ дѣлѣ самаго страшнаго поруганія его при царѣ Константинѣ, послѣ того, какъ все государственное насиліе въ самыхъ грубыхъ видахъ его было освящено именемъ христіанства, истинному ученію Іисуса, всегда отрицавшему всякое насиліе, пришлось скрываться въ такъ называемыхъ сектахъ или ересьяхъ, терпѣвшихъ всегда гоненіе постольку, поскольку они были близки къ ученію Іисуса. Эти секты въ разныхъ странахъ и въ разныя времена носили разныя названія: Павликіанъ, Богомиловъ, Каѳаровъ, Вальденцевъ, Альбигойцевъ, Квакеровъ, Назоренъ; они проявлялись и въ Россіи, слѣды ихъ замѣтны въ ереси Стригольниковъ, затѣмъ въ разнаго рода такъ называемыхъ духовныхъ христіанахъ и, наконецъ, въ концѣ прошлаго столѣтія они сгруппировались подъ именемъ Духоборцевъ. Духоборы или Духоборцы (т. е. борящіеся со злымъ духомъ духовнымъ оружіемъ любви и правды) — выдержали нѣсколько жестокихъ гоненій и, наконецъ, по указу императора Николая I въ 40-хъ годахъ были выселены въ Закавказье. Въ указѣ Николая I было сказано, чтобы духоборцевъ поселили въ мѣстахъ неудобныхъ для жизни. Ихъ поселили въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи, на такъ называемыхъ мокрыхъ горахъ, въ сыромъ гористомъ мѣстѣ, на высотѣ около 5000 футовъ надъ уровнемъ моря. Въ этомъ мѣстѣ съ трудомъ произрастаетъ ячмень. До сихъ поръ еще духоборцы, поселенные въ этомъ мѣстѣ, въ отличіе отъ другихъ поселеній, называются „холодненскими“.

Несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, духоборскія колоніи процвѣтали, населеніе увеличивалось, имъ стало

*) Изъ статьи: „Гоненіе на христіанъ въ Россіи“, составленной П. И. Бирюковымъ, посѣтившимъ духоборовъ тотчасъ же послѣ разгрома и на мѣстѣ записавшимъ краткую исторію ихъ движенія и гоненій противъ нихъ. Статья появилась въ переводѣ въ англійской газетѣ „Times“ въ 1895 г. *Ред.*

тѣсно и часть ихъ выселилась въ Елизаветпольскую губернію, а часть во вновь пріобрѣтенную Карскую область.

Религіозное ученіе духоборцевъ очень просто. Они вѣруютъ въ то, что человекъ на землѣ долженъ творить волю посланшаго его Отца жизни; а воля эта заключается въ томъ, чтобы все живущее стремилось къ единенію въ одной вѣчной правдѣ, разумомъ и любовью борясь съ стоящими на пути къ этому единенію препятствіями, враждой, насиліемъ и другими соблазнами похоти и славы людской.

Священныхъ книгъ или писанія у духоборцевъ нѣтъ. У нихъ есть такъ называемая „животная“ книга (т. е. живая, въ отличіе отъ мертвой писанной книги), состоящая изъ разнаго рода поученій и перефразированныхъ евангельскихъ и библейскихъ текстовъ, для удобства заучиванія срифмованныхъ въ стихи или псалмы.

Космологическія, теологическія и другія метафизическія теоріи ихъ очень неясны и повидимому они сами не придаютъ имъ значенія, такъ какъ псалмы, въ которыхъ попадаются изложенія этихъ теорій, до того бываютъ искажены неточной механической устной передачей, что въ нихъ трудно бываетъ отыскать какой-нибудь смыслъ. Гораздо яснѣе и точнѣе передаются псалмы съ нравственнымъ, полнымъ жизни ученіемъ, въ которомъ слышится и указаніе на высшій идеаль и обличеніе существующаго злого порядка вещей. Псалмовъ этихъ неопредѣленное количество. Они до сихъ поръ слагаются и потому число ихъ все увеличивается.*)

Внѣшнее проявленіе религіозности состоитъ изъ общихъ молитвенныхъ собраній, на которыхъ духоборцы читаютъ и поютъ свои псалмы и потомъ взаимно привѣтствуютъ другъ друга, выражая этимъ поклоненіе божественному духу, живущему въ человекѣ.

Взаимная помощь среди духоборцевъ развита чрезвычайно.

Въ слободѣ Горѣловкѣ, Ахалкалакского уѣзда былъ выстроенъ на общественныя средства большой трехъ-этажный сиротскій домъ, гдѣ призрѣвались сироты и немощные духоборцы. Такъ что нищихъ у нихъ никогда не было. За послѣднее время этимъ домомъ управляла Лукерья Васильевна Калмыкова, вдова предшествоващаго ихъ распорядителя.

*) Сводъ и обработка этихъ псалмовъ составляетъ предметъ отдѣльной книги.

Въ рукахъ Лукерьи Васильевны былъ весь общественный капиталъ и другое имущество.

Послѣ ея смерти, лѣтъ 8 тому назадъ общественное имущество, капиталъ и сиротскій домъ по справедливости должны были перейти преемнику Лукерьи Васильевны, выбранному ею еще при жизни, Петру Веригину, но юридическихъ документовъ на это не было. Родной братъ Лукерьи Васильевны Губановъ соблазнился капиталомъ, предъявилъ права наслѣдства и черезъ посредство Мироваго Судьи утвердился въ этихъ правахъ и унаслѣдовалъ такимъ образомъ все общественное имущество.

Духоборческая община заволновалась. Они раздѣлились на двѣ партіи: меньшая, къ которой принадлежала вся слобода Горѣловка и часть населенія другихъ деревень, стояла за Губанова, а другія семь деревень Ахалкалакского уѣзда и большая часть другихъ поселеній Карской области и Елизаветпольской губерніи составили большую партію, приблизительно втрое бѣльшую первой, стоявшую за Петра Веригина. Сначала духоборцы большой партіи попробовали искать правосудія у правительства и протестовали законнымъ порядкомъ. Дѣло тянулось очень долго, переходя изъ одной инстанціи въ другую; какъ говорятъ духоборцы большой партіи, помощью подкупленныхъ свидѣтелей было все-таки окончательно рѣшено въ пользу Губанова и его приверженцевъ.

Убѣдившись, что у правительства „правды нѣтъ“, духоборцы рѣшили дѣйствовать самостоятельно; они собрали новый капиталъ въ 100 тысячъ рублей, поровнявъ имущество бѣдныхъ и богатыхъ, и поручили управленіе этимъ капиталомъ Петру Веригину, сплотившись около него дружнѣе прежняго.

Надо замѣтить, что, какъ это часто бываетъ съ религіозными общинами, духоборцы пережили извѣстный социальный процессъ, состоящій въ томъ, что какъ только образуется община, воодушевленная одной религіозно-нравственной идеей, и послѣ того какъ стихнетъ первая буря гоненій, матеріальное благосостояніе такой общины быстро значительно повышается. Вслѣдъ же за повышеніемъ матеріальнаго благосостоянія начинаетъ понижаться или по крайней мѣрѣ останавливается въ своемъ ростѣ религіозно-нравственное сознаніе. Процессъ совершенно обратный тому, на который указываютъ нѣкоторые весьма популярныя экономисты, полагающіе, что нравственный уровень общества находится въ прямой зависимости отъ его экономическаго

благосостоянія. Какъ разъ обратный этому, вышеуказанный процессъ, который можно наблюдать не только на отдѣльныхъ общинахъ, но и на жизни цѣлыхъ націй, былъ пережитъ и духоборцами. По мѣрѣ роста ихъ матеріальнаго благосостоянія, богатѣя, они стали дѣлать разныя уступки правительству, стали вступать въ военную службу и защищать свою собственность судомъ и насиліемъ.

Все это замѣтилъ Петръ Веригинъ, многіе старики и лучшіе люди большой партіи. И духоборцы вспомнили прежніе строгіе нравы. Обида, нанесенная общинѣ Губановымъ и правительствомъ, дала имъ толчокъ, встряхнула ихъ и такимъ образомъ способствовала ихъ духовному возрожденію, уже готовому проявиться такъ или иначе.

И вотъ они для возстановленія истиннаго христіанскаго духа въ ихъ общинѣ рѣшили начать новую жизнь — бросить пить вино, курить, ѣсть мясо и отказаться отъ участія въ какомъ бы то ни было правительственномъ или частномъ насиліи.

Первымъ такимъ служеніемъ насилію является, конечно, военная служба, и они рѣшили покончить съ ней.

Между тѣмъ по проискамъ малой партіи Петръ Веригинъ и еще нѣсколько стариковъ были обвинены въ возмущеніи и подстрекательствѣ и сосланы въ Колу Архангельской губерніи. Конечно, эта ссылка еще больше возвысила въ глазахъ общины и усилила вліяніе на нихъ этой замѣчательной личности.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Колѣ, а потомъ въ городѣ Шенкурскѣ той же губерніи, Петра Веригина за его вліяніе на мѣстное населеніе, а также за непрекращеніе сношенія съ закавказскими братьями, сослали въ Обдорскъ, находящійся въ Сибири, въ Тобольской губерніи.

Ко времени окончанія срока ссылки въ Архангельской губерніи, выѣшней зимой (1894 — 1895) его посѣтили пріѣхавшіе съ Кавказа его духовные братья: родной братъ Василій Веригинъ и двоюродный Василій Верещагинъ.

Эти братья, вернувшись къ своей общинѣ, привезли отъ Петра Веригина предложеніе, принятое всей большой партіей, объ уничтоженіи оружія, чему онъ самъ показалъ примѣръ, приславъ имъ для сожженія все свое очень дорогое вооруженіе: ружье, шашку, револьверъ и кинжалъ.

Оружіе на Кавказѣ есть необходимая принадлежность всякаго свободнаго человѣка. Съ оружіемъ ходятъ и по городу, и въ гости, съ оружіемъ отправляются въ дорогу и даже работаютъ. Пастухи, свинопасы и тѣ бываютъ воору-

жены ружьями и кинжалами. Оружіе служитъ имъ для защиты какъ отъ нападенія звѣрей, такъ и отъ разбойниковъ. И потому уничтоженіе оружія на Кавказѣ есть рѣшеніе терпѣть всѣ послѣдствія непротивленія насиліемъ всякаго рода посягательству на жизнь и безопасность.

Пріѣхавшіе отъ Петра Веригина Василій Веригинъ и Василій Верещагинъ объявили объ этомъ на собраніи, и община тогда же приняла рѣшеніе объ уничтоженіи оружія и окончательный отказъ отъ всякаго подчиненія правительству...

Отказъ отъ военной службы.*)

Рѣшеніе отказаться отъ военной и другой службы правительству было принято. Надо было кому-нибудь начать исполненіе этого рѣшенія. Надо было найти такого человѣка, который бы не сробѣлъ ни передъ какими угрозами и выдержалъ бы всякую пытку и страданія. Если первый сробѣетъ, остальные не пойдутъ. Такой человѣкъ нашелся: это былъ Матвѣй Лебедевъ, духоборецъ, служившій въ городѣ Елизаветполѣ, въ резервномъ батальонѣ, за отличіе по службѣ, за честность, расторопность и смѣтливость назначенный исправляющимъ должность отдѣленнаго унтеръ-офицера. Это было сдѣлано противъ правилъ, какъ исключеніе, такъ какъ по закону духоборовъ нельзя назначать ни на какія должности, выше рядоваго.

Днемъ объявленія отказа былъ назначенъ день Пасхи. Нѣкоторая особенность вѣроученія духоборцевъ заключается въ томъ, что они, относясь отрицательно къ церкви, соблюдаютъ церковные праздники, объясняя себѣ символически ихъ значеніе. По обычаю, весь батальонъ долженъ былъ идти въ церковь и послѣ церкви участвовать въ церковномъ парадѣ. Духоборы, какъ сектанты, могли не идти въ церковь, но должны были ожидать на площади и участвовать въ парадѣ.

Матвѣй Лебедевъ объявилъ своимъ братьямъ, десяти духоборцамъ, служившимъ вмѣстѣ съ нимъ въ томъ же батальонѣ, что на парадъ идти не надо, такъ какъ они всѣ рѣшили сегодня перестать служить. Всѣ десять человѣкъ согласились на это и остались дома въ казармахъ.

Когда во время парада замѣтили отсутствіе Лебедева и его десяти братьевъ, то послали дежурнаго солдата за нимъ. Дежурный принесъ извѣстіе, что они идти на парадъ не хотятъ. Тогда побѣжалъ за ними фельдфебель. При-

*) Изъ той же статьи П. И. Бирюкова.

ходя въ роту, онъ накинулся на Лебедева съ угрозами и бранью. Сначала Лебедевъ просто заявилъ, что онъ и его товарищи не пошли на парадъ, такъ какъ они рѣшили больше не служить въ военной службѣ, потому что сознаютъ, что это противно ученію Христа, которое они исповѣдуютъ. Но когда фельдфебель сталъ бранить его и угрожать ему разными наказаніями, то Лебедевъ, для подтвержденія своего рѣшенія, вынулъ свое ружье изъ козель и отдалъ его фельдфебелю, подтвердивъ свой отказъ. Тогда фельдфебель самъ испугался этого рѣшенія и перемѣнилъ обращеніе свое и сталъ просить прощенія за свою брань и уговаривать Лебедева одуматься и измѣнить рѣшеніе. Но Лебедевъ остался непреклоненъ. Въ это время вернулись съ парада, и поступокъ Лебедева сталъ извѣстенъ начальству. Товарищи Лебедева — духоборы были въ другихъ ротахъ, и начальство поспѣшило разослать ихъ на посты, чтобы разобщить отъ Лебедева. Не зная еще объ окончательномъ отказѣ Лебедева, они повиновались.

Лебедева же сталъ увѣщевать ротный командиръ, очень любившій его. Вообще Лебедевъ пользовался любовью какъ начальства, такъ и солдатъ своего отдѣленія, плакавшихъ, когда его отъ нихъ уводили.

Послѣ увѣщанія слѣдовали угрозы, но и онѣ не подѣйствовали. Тогда ротный командиръ приказалъ его арестовать. Лебедевъ, когда его арестовывали, чтобы дать новое подтвержденіе своему рѣшенію, самъ сорвалъ съ себя погоны.

Его отвели въ тюрьму и посадили въ темный подземный карцеръ, такъ называемую „яму“, строгимъ арестомъ, т. е. давали только хлѣбъ и воду въ очень маломъ количествѣ и держали такъ 9 дней.

Между тѣмъ остальные десять духоборовъ, вернувшись съ постовъ, узнали, что Лебедевъ уже отказался и заключенъ въ тюрьму. Тогда и они взяли свои ружья и отдали ихъ фельдфебелю, заявивъ свое отреченіе отъ службы правительству, такъ какъ она противорѣчитъ служенію Богу и ученію Христа. Ихъ также посадили въ тюрьму, но отдѣльно отъ Лебедева, именно въ старый пороховой погребъ и тщательно слѣдили, чтобы между ними и Лебедевымъ не было сообщенія. Но сообщеніе это происходило непрерывно, такъ какъ низшіе чины всегда были за арестованныхъ, потому что ничего не видали отъ нихъ кромѣ добра. И Лебедевъ своими совѣтами поддерживалъ силы своихъ духовныхъ братьевъ.

Дѣлу данъ былъ судебный ходъ. Приѣхалъ слѣдователь

и потребовалъ освобожденія Лебедева изъ ямы и перевода его въ лучшее помѣщеніе. Тогда его перевели въ тюрьму и во время слѣдствія держали довольно свободно, такъ что онъ часто могъ гулять въ тюремномъ саду и работать тамъ. Во время слѣдствія, на вопросахъ на нихъ старались подѣйствовать увѣщаніями и угрозами разстрѣла. Они уже такъ свыклись съ этою мыслью, что были очень удивлены, когда послѣ суда узнали изъ приговора, что ихъ не разстрѣляютъ.

Наконецъ ихъ отправили въ Тифлисъ. Въ Тифлисѣ былъ судъ, который приговорилъ Лебедева въ дисциплинарный батальонъ на три года, а остальныхъ на два года. Военный прокуроръ остался недоволенъ рѣшеніемъ суда, обжаловалъ его въ высшую инстанцію, и дѣло это еще не кончено. Никто не знаетъ, какая участь ожидаетъ этихъ людей.

Теперь они содержатся въ Тифлисѣ, въ военной тюрьмѣ, покорно ожидая рѣшенія своей судьбы. Мнѣ удалось видѣть ихъ, хотя на очень короткій срокъ. Всѣ они бодры духомъ и имѣютъ видъ здоровыхъ, веселыхъ людей, какъ бы готовящихся встрѣтить праздникъ.

Вслѣдъ за этимъ случаемъ, одинъ за другимъ стали повторяться отказы отъ военной службы солдатъ духоборовъ.

Такъ въ городѣ Олты, Карской области, на турецкой границѣ, отказалось 6 человекъ солдатъ духоборовъ; въ Карсѣ одинъ, въ Ахалкалакахъ пять, въ Дилижанѣ два. Кромѣ того, зараженные этимъ примѣромъ, въ Карсѣ четыре православные солдата также бросили ружья. Еще одинъ православный отказался въ Тифлисѣ и одинъ въ Манглисѣ. Эти два отказались, получивъ письма отъ родителей, въ которыхъ они увѣдомляли дѣтей своихъ, что они, родители, приняли истинную вѣру отъ духоборцевъ и считают военную службу грѣхомъ и просятъ дѣтей своихъ, какъ только они услышатъ, что духоборцы солдаты отказываются отъ службы, самимъ отказаться и бросить ружья, что они и исполнили. Всѣ эти люди были арестованы и сидятъ по тюрьмамъ.

Вездѣ эти отказы сопровождались болѣе или менѣе жестокими физическими и нравственными пытками. . .

Когда духоборецъ отказывается служить, онъ кратко объясняетъ причины этого. Вотъ тѣ краткія, простыя, но полныя христіанскаго смысла слова, въ которыхъ духоборцы выражаютъ свой отказъ отъ царской службы.

В. Почему вы не желаете служить Императору?

О. Желалъ бы исполнять волю императора, а онъ поучаетъ людей убивать, а моя душа того не желаетъ.

В. Почему не желаетъ?

О. Потому что Спаситель заповѣдалъ (т. е. запретилъ) людей убивать, а я вѣрую Спасителю, исполняю волю Божью.

В. Ты кто такой?

О. Я христіанинъ.

В. Почему ты христіанинъ?

О. По познанію слова Христова. Христіанина духъ живущій не можетъ и не будетъ дѣлать дѣлъ вашихъ.

„Послѣ этого“, прибавилъ духоборецъ, сообщившій мнѣ эти отвѣты, „съ нами начальство ужь ничего сдѣлать не можетъ“.

Такимъ образомъ еще съ весны началось торжественное заявленіе рѣшенія, принятаго духоборцами — больше не служить въ военной службѣ и не повиноваться власти въ томъ, что противорѣчитъ ученію Христа.

Вскорѣ стали представляться случаи примѣненія этого рѣшенія при столкновеніи съ властями. Привожу здѣсь наиболѣе характерные.

Въ духоборческое селеніе Родіоновку пригнали арестанта этапнымъ порядкомъ, для препровожденія его дальше. Очередь вести арестанта пала на Федора Лебедева, родного брата Матвѣя, отказавшагося отъ военной службы въ Елизаветполѣ.

Федоръ Лебедевъ заявилъ старостѣ, что онъ не можетъ сопровождать арестанта, такъ какъ онъ не можетъ совершить надъ нимъ никакого насилія и, стало быть, будетъ бесполезенъ. И просилъ старосту такъ и доложить объ этомъ начальству. Староста отвѣтилъ: „я не предатель вамъ, дѣло твое, а я приведу тебѣ на дворъ арестанта, ты съ нимъ и возись, какъ хочешь“.

Федоръ Лебедевъ возвратился домой и сидѣлъ въ своей хатѣ, когда староста дѣйствительно привелъ арестанта къ нему въ домъ и оставилъ, а самъ ушелъ. Федоръ Лебедевъ обошелся съ нимъ, какъ со странникомъ; обогрѣлъ, напоилъ, накормилъ его и уложилъ спать. На другое утро, видя, что арестантъ человекъ бѣдный, онъ далъ ему на дорогу 1 руб. 50 коп. денегъ и предложилъ вывести изъ деревни; когда вышли за деревню, онъ показалъ ему двѣ дороги: одну — направленіе его этапнаго пути, а другую на волю, предоставивъ выбрать ему, что онъ хочетъ. Арестантъ выбралъ первое и дошелъ по назначенію. Этотъ случай не имѣлъ дурныхъ послѣдствій.

Духоборець Андрей Поповъ, изъ деревни Орловки, былъ избранъ на должность старшины. Когда прежній старшина сталъ сдавать ему должность, передавать книги, печати и объяснять обязанности, то Андрей Поповъ сказалъ, что это дѣло неправо, что обязанностей этихъ онъ исполнять не будетъ и служить отказывается. Онъ былъ тотчасъ арестованъ и теперь сидитъ въ тюрьмѣ въ Тифлисѣ.

Когда ожидался пріѣздъ Тифлисскаго Губернатора въ духоборческія селенія, 13 духоборцевъ вызваны были по наря у уѣзднымъ начальникомъ для охраны дороги отъ разбойниковъ. Они должны были выѣхать вооруженными, а выѣхали только съ нагайками. И на вопросъ уѣзднаго начальника, почему они пріѣхали безъ оружія, они отвѣтили, что оно имъ не нужно, такъ какъ если бы они и встрѣтили разбойника, они ни стрѣлять, ни бить его не будутъ, а могутъ только уговаривать. И тутъ же объяснили, что они отказываются отъ всякой службы правительству. Они были арестованы и сидятъ въ Тифлисской тюрьмѣ.*) Въ выноскѣ я привожу ихъ имена и названіе деревень, откуда они родомъ.

Въ Елизаветпольской тюрьмѣ сидятъ 120 человекъ духоборцевъ. Часть ихъ была арестована за возвратъ ополченскихъ билетовъ, часть за отказъ отъ должностей сельскихъ старостъ и за возвратъ печатей и бляхъ, а часть за подстрекательство и всякаго рода неповиновеніе.

Многіе изъ этихъ людей, на приказаніе снять въ тюрьмѣ свое платье, отказались заявивъ, что оно имъ присвоено, и они не считаютъ должнымъ снимать. Съ нихъ сняли насильно. Потомъ велѣли имъ надѣть арестантское платье, они опять отказались и отвѣтили, что имъ оно не нужно, потому что у нихъ есть свое, и что арестантское платье считаютъ для себя неприличнымъ. И остались сидѣть въ одномъ бѣльѣ. Отказались принимать казенную пищу, кромѣ хлѣба и воды.

Подобнымъ образомъ продолжали поступать духоборцы и при другихъ разнаго рода столкновеніяхъ съ властями.

Но все это были только первые шаги, не доставало еще общаго, публичнаго заявленія своего отреченія отъ насилія. Духоборцы сдѣлали это, рѣшивъ уничтожить все имѣвшееся у нихъ оружіе. И оно было ими всѣми сожжено въ одну

*) Изъ Тамбовки Иванъ Пономаревъ, изъ Орловки Данило Рязанцевъ, Петръ Махортовъ, Василій Казаковъ; изъ Спасской Иванъ Войкинъ и Григорій Поповъ.

заранѣе условленную ночь съ 28 на 29 іюня, на день Петра и Павла, нынѣшнимъ лѣтомъ 1890 года.*)

Отрывокъ изъ одной неизданной рукописи.**)

Когда Лебедева и его товарищей привели въ дисциплинарный, то ихъ прежде всего высѣкли, дали по 20 ударовъ, потомъ велѣли имъ ѣсть мясо. Они отказались и остались на одномъ хлѣбѣ и водѣ. Братья спокойно переносили страданія, и полковникъ хотѣлъ было назначить ихъ на нестроевыя работы. Но священникъ дисциплинарнаго батальона сказалъ ему, что онъ имѣетъ право давать ему по 200 ударовъ и что ему должно воспользоваться этимъ правомъ. Тогда стали духоборовъ жестоко наказывать. Особенно сильно наказывали Лебедева. Ему вновь дали 50 розогъ, сѣкли колючей акаціей, потомъ иглками вынимали изъ тѣла колючки, и мясо падало клочками. Затѣмъ его посадили въ холодную и опять сѣкли. Для сѣченія вырыта яма. Она запачкана кровью тѣхъ, которыхъ сѣкутъ. Одинъ солдатъ, которому приходилось сѣчь, говорилъ другимъ духоборамъ, приходившимъ узнавать о братьяхъ, что когда онъ сѣкъ, то его обрызгивало кровью. Наказуемые одни страшно кричатъ, а другіе нѣтъ. Духобора Щербинина сѣкли и били сзади и спереди и бросали на кобылу, такъ что разбили ему грудь и онъ, поболѣвъ, умеръ. Когда онъ былъ еще живъ, унтеръ-офицеръ говорилъ про него посѣщавшимъ братьямъ: „Этотъ не будетъ жить, онъ скоро будетъ на кладбищѣ“.

Когда духобору Плотникову дали 80 ударовъ, то онъ сказалъ: „Вы уже лучше засѣките меня“. Ослабѣвъ отъ тяжести наказанія, эти духоборы согласились взять оружіе въ руки, но при этомъ сказали: „Мы все-таки не будемъ учиться въ ротѣ и стрѣлять не будемъ“.

Въ церковь гонять ихъ силой. Но они ходитъ — ходятъ, но обрядовъ не выполняютъ, говоря: „Совѣсть наша

*) О сожженіи оружія было помѣщено подробно во II и III выпускѣ „Матеріаловъ“. См. о томъ же брошюру, изданіе „Свободнаго Слова“, „О сожженіи оружія духоборами“, рассказъ, записанный со словъ духобора Н. Зибарова.

***) „Записка о духоборахъ, составленная съ ихъ словъ и на основаніи одной рукописи“. Записано И. М. Трегубовымъ со словъ духоборовъ П. В. Планидина и И. В. Ивина въ 1896 г. Не въ далекомъ будущемъ мы надѣемся издать эту объемистую рукопись безъ всякихъ сокращеній, въ настоящее же время мы печатаемъ здѣсь изъ нея только то, что говорится тамъ о положеніи духоборцевъ, бывшихъ въ заключеніи въ дисциплинарныхъ батальонахъ. *Ред.*

не позволяет, а мы каждую минуту молимся“. Посѣщавшіе ихъ братья узнавали ихъ въ церкви потому, что они не кланялись иконамъ.

Полковникъ Масловъ говорилъ: „Пусть бы они сдѣлали то, что имъ велятъ, и имъ было бы хорошо“. Ему сказали: „Это обманъ, у нихъ свой разумъ, своя совѣсть“.

Письмо духоборовъ изъ ссылки къ друзьямъ въ Россіи.

Горійскій уѣздъ, Тифлисской губ.

13 февраля 1896 г.

Другъ и братъ во Христѣ Іисусѣ.

Увѣдомляемъ васъ письмомъ о своей жизни и здоровьѣ. Мы живы и здоровы, слава Богу. Находимся въ ссылкѣ безъ всякаго разслѣдованія и не знаемъ, что думаетъ о насъ правительство. Мы уже прожили семь мѣсяцевъ между грузинами, т. е. туземцами. Не думаютъ они (власти) о томъ, чѣмъ мы питаемъ своихъ дѣтей; или хотятъ поморить насъ голодомъ? Какъ вамъ извѣстно, мы безъ клочка земли и ниоткуда не получаемъ земныхъ доходовъ для своего пропитанія. Кромѣ того не позволяютъ бесплатно погребать усопшихъ братьевъ, берутъ три и четыре рубля за сажень земли. Мы заявляли приставу, онъ не обратилъ на это вниманія и сказалъ, что мы должны покупать мѣста для своихъ усопшихъ. И не знаемъ, откуда такое беззаконіе у русскаго правительства: не признаютъ передъ собой завѣтъ Спасителя; онъ завѣщаль жить и впредь не беззаконствовать — они не смотрятъ на завѣтъ Спасителя. Какое въ народѣ заблужденіе и уклоненіе отъ самого Создателя, который сотворилъ землю и человѣка и не отдѣлилъ насъ другъ отъ друга, а призываетъ всѣхъ къ спасенію.

Еще мы посѣщали Лебедева съ товарищами, которые находятся въ Екатериноградской станицѣ въ дисциплинарномъ батальонѣ — 11 человѣкъ, да еще новыхъ зачислили 8 человѣкъ. Мы видѣли ихъ по разрѣшенію полковника, который спросилъ насъ: „Откуда вы и зачѣмъ пріѣхали?“ Мы сказали ему: „Изъ Тифлисской губерніи пріѣхали посѣтить своихъ братьевъ.“ Онъ сказалъ: „Со всѣми свиданіе не позволяется, кромѣ своихъ родственниковъ, и на малое время, не болѣе какъ на одинъ часъ.“ И свиданіе было стѣснительное, но все-таки благодаря Господа Бога мы могли узнать на счетъ ихъ жестокаго и немилосерднаго наказанія. Срѣзаютъ колючія розги по 5 и по 6 штукъ въ одинъ пучекъ и кладутъ въ растяжку, заходятъ по одному человѣку съ той и другой стороны напоенные водкой и

приступаютъ, какъ разъяренные хищные звѣри, которые раздираютъ смиренныхъ и кроткихъ овецъ. Сѣкутъ до 30 ударовъ, по окончаніи этого сажаютъ въ одиночный холодный карцеръ на однѣ сутки, а на другой день выпускаютъ и даютъ имъ ружья, и ведутъ на маршировку. Они говорятъ, какъ христіане: „Мы не можемъ исполнить то, что противно заповѣди Божьей.“ И они, несмотря на ихъ отвѣтъ, начинаютъ больше бить и насиловать. Велятъ прыгать черезъ кобылу и лазить по веревкамъ. По окончаніи ихъ безумнаго ученія начинается обѣдъ всѣмъ заключеннымъ, кормятъ ихъ въ волю. А нашимъ братьямъ и хлѣба въ волю не даютъ, да еще спрашиваютъ: „Что, вы сыты, или еще вамъ дать?“ Они по незнанію своему говорятъ: „Дайте еще хлѣба.“ А тѣ вмѣсто этого даютъ имъ едва на ногахъ держаться.

А мы съ вѣрой въ Господа Бога призываемъ Господа: да будетъ воля Твоя надъ нами, Ты видишь, мы любимъ свѣтъ больше, нежели тьму. Тьма бо есть незнающіе свѣта люди; злые духи въ нихъ живутъ.

Еще отправлены 8 человѣкъ 8-го сего февраля въ тотъ же батальонъ, изъ тѣхъ, котѣры находились въ Ахалкалакахъ. Обратите вниманіе на это положеніе, не будетъ ли съ вашей стороны облегченія.

По отпуску сего письма мы остаемся живы и здоровы, слава Господу Богу. Того и вамъ желаемъ отъ Господа Бога, добраго здоровья и всякаго благополучія. По полученіи сего письма, просимъ васъ, отвѣчайте, будемъ ожидать. Это письмо второе.

Извѣстные вамъ любящіе васъ братья ваши.

Письмо В. А. Потапова къ П. И. Бирюкову.

Село Мачхани.

Февраля, 20 дня 1896 г.

Другъ и братъ вашъ въ Господѣ Богѣ В. А. Потаповъ.
 Миръ и благодать вамъ отъ Господа Бога Іисуса Христа.
 Дорогой братъ Павелъ Ивановичъ. Хочется мнѣ извѣстить васъ, да вамъ можетъ извѣстно; но все-таки я скажу вамъ, что могу. Изъ братьевъ нашихъ Н. З. и А. М. ѣздили посѣтить братьевъ Лебедева и прочихъ. Ихъ тамъ всѣхъ 19 человѣкъ, съ Лебедевымъ 11 человѣкъ, да тѣ, котѣрымъ по осени выпало итти по жеребью на службу. Къ нимъ допускъ очень строгій. Но все-таки они повидѣли ихъ. Они подверглись жестокииъ наказаніямъ. По прибытіи ихнемъ имъ дали на двое сутокъ отдыха и, принося

мясо, заставляли ѣсть и начинали тотъ же часъ бить кулакомъ. Вслѣдъ за тѣмъ приходитъ полковникъ съ палачами и колючими розгами. Спрашиваетъ у нихъ:

— Что вы есть такое?

— Мы христіане.

Тотчасъ сняли платье и начали сѣчь розгами, отпустили имъ по 30 ударовъ жестокихъ, такъ что колючка влѣзла въ тѣло; они вынимали ихъ, и мясо падало съ нихъ клочками. Потомъ сажаютъ въ холодную на нѣсколько дней. Хлѣба даютъ полфунта. Подходятъ нѣсколько солдатъ къ каждому, ведутъ его маршировать, сами же ногами перепугаютъ и начинаютъ бить его справа и слѣва. Подводя къ кобылѣ, заставляютъ сигать, а гдѣ же ему сигать, въ немъ едва духъ держится. Да что же дѣлать, вѣдь самъ Господь Богъ нашъ Иисусъ Христосъ терпѣлъ и показываетъ силу Божества послѣдователямъ въ народѣ Своемъ.

Эти наказанія были сначала, то есть по прибытіи ихъ немъ въ Екатериноградъ; да теперь еще семь человекъ послали изъ Тифлиса тоже туда. Карсской области молодые парни отдали билеты, всѣхъ ихъ заключили въ тюрьму. Всѣхъ ихъ заключенныхъ въ настоящую минуту 185 человекъ, сидятъ они въ Карсѣ, Александрополѣ и Тифлисѣ. А въ Елизаветпольской губерніи намъ неизвѣстно; да такимъ же образомъ будетъ поступлено и тамъ, но за достоверное не ручаюсь.

О себѣ скажу — мы всѣ живы и здоровы, славимъ и благодаримъ Господа Бога Иисуса Христа, имя его вѣчно величаемъ. Думаемъ, съ Божьею помощью, начинать работать, тутъ уже весна скоро откроется.

Цѣлую васъ горячо, другъ и братъ вашъ В. А. Потаповъ.

Изъ письма духоборца Васи Обѣдкова къ В. Г. Черткову.

4 марта 1896 г.

... Недавно пріѣхали наши братья изъ той станицы, гдѣ Лебедевъ и прочіе братья. Къ нимъ никого не пускаютъ, кромѣ родныхъ, но они все-таки повидали ихъ, хотя на очень краткое время. Но все-таки они рассказали имъ, какъ ихъ подвергаютъ жестокимъ наказаніямъ. Они говорили: „Когда мы пришли, полковникъ встрѣтилъ насъ и спросилъ:

— За что вы сосланы сюда?

— Мы хотимъ исполнять законъ Бога.

— Хорошо, хорошо.

На сутки дали отдыхъ намъ. Мы цѣлый день ходили по крѣпости, глядѣли, какъ мучаютъ людей.

На другой день приносятъ платье и говорятъ:

— Скидайте свое.

Мы сказали:

— Намъ пока своего хватить. А когда надо, тогда скажемъ вамъ.

Но они сорвали наше и надѣли на насъ лохмотья.

Потомъ приносятъ колючія розги, берутъ въ руки по шесть и кладутъ насъ по одному и сбьютъ такъ больно, что вся колючка лезетъ въ мясо, а она рветъ мясо клочками.

Отпустили намъ по тридцать ударовъ. Потомъ сажаютъ насъ въ холодную по одному. Все бы ничего, кабы сажали хоть бы въ теплую, а то вѣдь трудно сбьченному на морозѣ.

Отсидѣли мы сутки. На утро приходятъ къ намъ на каждого по 4 человекъ и ведутъ — двое по бокамъ справа и слѣва, одинъ сзади и спереди. Скомандуютъ:

— Шагомъ маршъ!

Но тутъ, хоть пойдешь — бьютъ, хоть и не пойдешь — тоже бьютъ.

Если пойдешь, они сами ногами перепутываютъ и говорятъ:

— Что же ты не ладишь?*)

Ударятъ справа ружьемъ, наклонишься налѣво — тоже; попятись назадъ — толкаетъ:

Не отставай!...

Подашься впередъ, говорятъ:

— Убѣжать хочешь!... и бьютъ въ грудь.

Подводятъ къ кобылѣ и говорятъ:

Сигай!...

А гдѣ-жъ ему сигать, когда у него духъ едва держится. Они берутъ его за ноги и за голову и кидаютъ черезъ кобылу.

А во время обѣда даютъ хлѣба всего четверть или полъ фунта. Съѣшь, онъ спрашиваетъ:

— Что наѣлся или нѣтъ?...

Но скажешь:

— Нѣтъ.

Онъ говоритъ:

— Кабы ѣлъ изъ общаго котла, а то ты не ѣшь, а еще просишь... И вмѣсто хлѣба даетъ тебѣ такъ, что едва духъ держится. Потомъ спрашиваетъ:

*) Не идешь въ ногу.

— Наѣлся?

Говоришь, что наѣлся...

Такъ измучены тѣломъ, что едва можно признать. Даютъ ружья, тоже бьютъ и за нихъ.

Говорятъ, что это было на первыхъ порахъ, то есть по прибытіи ихъ въ Екатериноградскую станицу такъ жестоко мучили двѣнадцать сутокъ. А теперь говорятъ, что жестокихъ дюже наказаній нѣтъ. Ихъ тамъ было 19 человѣкъ, да еще недавно послали туда 8 человѣкъ. А въ настоящую минуту неизвѣстно, что съ ними случилось.

Изъ разсказа духоборца Васи Познякова.*)

... Которые состояли на дѣйствительной службѣ и которые были арестованы за отказъ отъ службы, тѣмъ угрожали висѣлицей и разстрѣляніемъ. Потомъ военный судъ приговорилъ ихъ на два съ половиною года въ дисциплинарный баталіонъ, гдѣ ихъ истязали около двухъ лѣтъ. За то, что и тамъ они не принимали оружія, ихъ сѣкли колючими розгами, такъ что на другой день послѣ сѣченія они вынимали другъ другу колючки изъ ранъ. Послѣ такого побоя сажали ихъ въ зимнее время въ холодный карцеръ на хлѣбъ и на воду. Впрочемъ и всегда у нихъ пища была хлѣбъ и вода, да и этого не было въ волю! Послѣ сутокъ заключенія въ карцерѣ ихъ гнали опять на службу, и опять они отказывались, и опять ихъ сѣкли. Кромѣ того унтеръ-офицеры били безошадно кулаками, такъ что многіе изъ нихъ болѣли головой и грудью; когда же они обращались къ доктору, онъ принуждалъ ихъ ѣсть мясо; они не ѣли, и онъ приказывалъ выгонять ихъ въ шею изъ больницы. Михайлъ Щербининъ отъ побоевъ сильно болѣлъ внутреннею болѣзнью и нѣсколько разъ обращался къ доктору, но каждый разъ былъ выгнанъ вонъ. Онъ ходилъ до тѣхъ поръ, пока упалъ и его отнесли въ больницу, гдѣ онъ вскорѣ померъ. Также попу принуждалъ ходить въ церковь, и за отказъ они много разъ были биты. Пришлось потерпѣть и голоду; денегъ у себя имѣть не разрѣшалось; скотомъ (мясомъ) они не пользовались, а хлѣба имъ не хватало, такъ что они были очень истощены силами, и ихъ одолѣла куриная слѣпота. Послѣ этого тиранства ихъ объявили высылку въ Якутскую область. Когда ихъ пригнали во Владикавказскую тюрьму, то они не могли взойти на второй этажъ, такъ они были обезсилены. Потомъ ихъ повезли въ Якутскую область. Отъ побоевъ нѣсколько че-

*) См. выпускъ II „Матеріаловъ“ : „Разсказъ Васи Познякова“.

ловѣкъ померло дорогой; одинъ умеръ на мѣстѣ, есть еще больные и оглохшіе.*) Пригнали ихъ въ Якутскую область и бросили въ лѣсу тогда, когда уже наступала зима. Имъ пришлось зимовать въ очень плохой и холодной тунгусской юртѣ, а тамъ морозъ доходить до 50 градусовъ и болѣе того.

Разсказъ духоборца Николая Чевельдѣева.

Записанъ *Е. П. Н.*

Изъ Екатериноградскаго дисциплинарнаго батальона въ Тифлисъ пріѣхалъ старичекъ-духоборецъ — Николай Чевельдѣевъ. Ѣздилъ онъ навѣщать своего сына во второй разъ, — въ первый разъ — весной 95 года, во второй — зимой 96 года. Незадолго до его пріѣзда въ дисциплинарный батальонъ Л. Н. Толстой и В. Г. Чертковъ послали письма начальнику дисциплинарнаго батальона, въ которыхъ знакомили его съ духоборческимъ ученіемъ, съ тѣмъ, за что наказаны духоборы, и просили обращаться съ ними помягче. Разсказъ Чевельдѣева записанъ мною съ его словъ:

„Пріѣхалъ я въ среду — явился къ начальнику. Приказалъ въ четвергъ заявиться. Пошелъ. Доложилъ до него. Онъ говоритъ:

А! старичекъ, ты еще весной пріѣзжалъ! Однако же стали вы привычны ѣздить! — весной былъ и теперь пріѣхалъ.

— Да, и весной былъ, и теперь пріѣхалъ: мнѣ жалко своихъ дѣтей.

— Какъ же ты говоришь „своихъ дѣтей“, вѣдь у тебя тутъ одинъ сынъ?

— Да я ихъ всѣхъ за своихъ дѣтей почитаю.

Какъ я весной пріѣзжалъ, такъ онъ жестокой былъ, а теперьче дуже блажѣй сталъ. Такой благой сталъ! Какъ я тамъ былъ, каждый день до него докладывался, а какъ не приду, такъ онъ дежурнаго посылаетъ. Приду, мы одинъ къ одному близечко сядемъ и гуторимъ.

— Вотъ, кабы они покорились подь нашъ законъ, то я бы ихъ отпустилъ на побывку домой, — говоритъ онъ.

— Одному Господину нужно служить.

— А какому Господину?

— У насъ одинъ Господинъ — Господь. Мы ему и служимъ.

— Чего ружья не приняли?

*) Сообщение В. Познякова относится къ концу 1898 года. *Ред.*

— Друга какъ же убить?

— А врага?

— Если врага убить, самъ врагомъ будешь. Господь всѣхъ сотворилъ въ одинъ образъ.

— А если тебя встрѣнутъ и лошадь возьмутъ.

— Буду очень просить не брать. Если не уговорю, такъ пушай и беретъ: грѣха на себя не возьму.“

Съ Чевельдѣевымъ былъ молодой духоборецъ, ѣздившій съ нимъ въ батальонъ. Онъ прибавилъ:

— Какъ мы ѣхали, такъ одинъ, должно осетинъ, встрѣтился, башлыкъ съ меня развязалъ и беретъ. Мы его просили, просили — не отдалъ. Такъ и взялъ. Онъ будетъ мучиться: этотъ башлыкъ ему безпокойство дастъ — прибавилъ онъ съ убѣжденіемъ.

Чевельдѣевъ продолжалъ послѣ этого рассказъ свой:

„Начальникъ меня и спрашиваетъ:

— Что это у васъ за заповѣди: „возлюби ближняго своего, какъ самого себя,“ а книги нѣтъ? откуда это у васъ идетъ?

— Это мы отъ друга своего и отъ отца получили, искони и по-днесь идетъ. Намъ содержитъ Господь законъ въ 10-ти заповѣдяхъ. У насъ книга животная. Онъ заставилъ меня 10-ть заповѣдей ему сказать.

10 заповѣдей Моисея сохранены у духоборовъ въ строгой послѣдовательности и точности. Начинаются онѣ такъ: „Довольно бо вамъ есть одна вѣра ко спасенію добрыхъ дѣлъ. Вѣра безъ дѣлъ мертва есть, такожде и дѣло безъ вѣры мертво. Наипаче есть вѣра на основаніи живыхъ источниковъ, благочестиваго житія. Откуда вы поучаетесь добрымъ дѣламъ, закону Божьему“.

— Что есть законъ Божій?

— Правила вѣры: что дѣлать, что не дѣлать.

— Гдѣ вы эти надобности находите?

— Въ семь законѣ совѣсти своей, которой судъ слѣдующій: Азъ есмь Господь и такъ далѣе. . .

Еще псаломъ заставилъ прочесть: „Тако глаголетъ Господь во трубѣ отрока своего. Смиритесь люди мои подъ крѣпкую руку Божию. Возлюбите же вы другъ друга, какъ самого себя, то и возведетъ васъ Господь на дѣло — утвержденіе; поставитъ васъ на благодать небесную; ухлѣбитъ васъ Господь хлѣбомъ небеснымъ отъ разума своего; напоитъ васъ водой отъ источника живота вѣчнаго. Не раздражайте же вы другъ друга, наипаче покоряйтесь; яко-

ждо есть черованіе*), — тако-ждо противленіе, грѣхъ есть идоламъ поклоненіе, тако-ждо непокореніе. По ней же люди мои уничтожили глаголь Господень и раздражили другъ-друга, уклонились похвалы своей, дондеже уничтожить васъ Господь во вѣкъ-вѣкъ, то и не будетъ вамъ отрады во вѣкъ. Богу нашему слава.

— Отъ кого вы этому научаетесь, — спросилъ начальникъ.

— Отъ родителя.

— Такъ же и сыновъ научаете?

— Да.

Такъ онъ все гуторилъ со мной и говорить: „Да, все это вѣрно, такъ и нужно дѣлать“.

Ходилъ я каждый день на черный дворъ своихъ провѣдывать, хлѣбца и сыру имъ носилъ, кормилъ ихъ. Пришелъ въ первый разъ. Снѣжекъ шелъ, надзиратель вывелъ троихъ — моего сына, и двухъ еще. Часа три мы съ ними посидѣли, — долгонько. Рассказывали. Гуторить обо всемъ нельзя, наставленіе давать, али что: надзиратель стоитъ.

Съ Лебедевымъ 4 раза гуторили.

— Лебедевъ, Лебедевъ, — говорю, — старички очень о тебѣ жалкують, ажъ плачуть о твоей душѣ, который крестъ впереди себя несъ, такъ оставилъ.

— Да, плоть немощна, — говорить. — Не бойся, Николай, — говорить. Богъ дастъ поправлюсь. Неужели у меня искры Божьей нѣтъ?

А у самого слезы градомъ пошли. Дюже, дюже ему трудно было. Къ этому времени пришло изъ Петербурга предписаніе освободить всѣхъ духоборцевъ — (ихъ 31 человекъ) — изъ дисциплинарнаго батальона и сослать ихъ въ Якутскую область, въ восточную Сибирь. Вѣсти этой всѣ духоборцы, заключенные въ дисциплинарномъ батальонѣ, были очень рады. Ихъ перестали мучить, перестали сѣчь. Всѣ начали готовиться къ отъѣзду. Лебедевъ оставался такъ же, какъ и другіе четверо духоборцевъ, покорившихся требованіямъ правительства.

Я спросила Николая Чевельдѣва;

— Отчего Лебедевъ остается, что можетъ быть внѣ дисциплинарнаго батальона имъ всѣмъ станетъ легче?

— Нѣтъ, опять имъ трудно будетъ; опять нужно взять горящую вѣру, — сказалъ онъ.

*) Черствость души.

Вывели ихъ изъ дисциплинарнаго батальона, заковали попарно, рука съ рукой. Многие изъ нихъ страдали куриной слѣпотой отъ плохого питанія и истощенія. Тѣ, которые не видятъ, постарались быть закованными съ тѣми, которые видятъ, для того, чтобы не отставать въ дорогѣ и не быть битыми изъ-за этого. Повезли ихъ во Владикавказъ. По дорогѣ на одной изъ станцій Чевельдѣевъ имъ принесъ горячаго супу. За все время своего пребыванія въ дисциплинарномъ батальонѣ имъ пришлось горячей пищи отвѣдать въ первый разъ.

— Дюже рады были, плакали, — говорилъ Чевельдѣевъ.

— Какъ тебя къ намъ въ такой часъ Богъ послалъ? — говорили; въ ноги кланялись.

Во Владикавказѣ заключили ихъ въ тюрьму. Чевельдѣеву позволили навѣщать ихъ въ тюрьмѣ. Послѣ дисциплинарнаго батальона тюрьма имъ показалась раемъ.

Чевельдѣевъ купилъ имъ всѣмъ башлыки и сказалъ имъ, что всѣ они нуждаются въ шубахъ, но что на это у нихъ нѣтъ денегъ.

(Зима 1896 года).

Разсказъ духоборца Николая Зибарова.*)

Мы ѣздили къ своимъ братьямъ въ дисциплинарный батальонъ въ Екатериноградскую станицу вдвоемъ съ Алексѣемъ Маркинымъ.

Заѣхали на костяной дворъ, зашли къ хозяину и начали спрашивать: не слышалъ-ли ты про духоборцевъ, которые отказались отъ военной службы?

— Слышалъ и видѣлъ ихъ, — сказалъ онъ намъ.

Мы стали спрашивать его, какъ можно дойти до нихъ. Допустятъ-ли насъ къ нимъ или нѣтъ?

— Сегодня обождите, а завтра воскресенье, можно пойти и повидаться.

Мы остались передневать.

Вскорѣ намъ случилось встрѣтиться съ солдатомъ изъ этой крѣпости и начали у него спрашивать про братьевъ нашихъ.

— Не знаешь-ли ты, братъ, про Зибарова и Арищенкова?

— Какъ-же не знать мнѣ ихъ, коли я вмѣстѣ съ ними нахожусь...

*) Получено черезъ В. Д. Бончъ-Бруевича.

Мы начали спрашивать его, какъ къ нимъ можно зайти, и у кого нужно спрашиваться.

— Вамъ надо спрашиваться у полковника, — сказалъ онъ намъ, — поутру, когда всѣ пойдутъ въ церковь, то тогда идите къ полковнику.

Мы написали имъ маленькую записочку и передали съ солдатикомъ для того, чтобы они знали, кто къ нимъ пріѣхалъ и ожидали-бы свиданія. Поутру мы пошли къ крѣпости и ожидали полковника, когда онъ будетъ итти въ церковь. Ожидали мы его не больше, какъ одинъ часъ. Смотримъ, идетъ. Мы сейчасъ подошли къ нему спереди и, поздоровавшись съ нимъ, начали проситься на свиданіе.

— А кто у васъ родственники, — спросилъ онъ насъ.

— Мнѣ — Григорій Зибаровъ родной братъ, а Маркину — Арищенковъ родственникъ, — отвѣтилъ я ему.

— Ну, сейчасъ не могу дать вамъ разрѣшенія, — сказалъ онъ намъ, — вотъ когда вернусь изъ церкви, то посмотримъ. Пока идите въ кухню, обождите тамъ.

Мы пошли на кухню и ожидали полковника, пока онъ воротится изъ церкви.

Вернулся и сейчасъ-же приказалъ, чтобы допустить до насъ только двоихъ на свиданіе, а съ остальными совсѣмъ не позволилъ видѣться. А съ нашими родственниками тоже только на одинъ часъ. Велѣлъ также поставить возлѣ насъ часовыхъ, чтобы они слушали, что мы будемъ говорить.

Насъ ввели въ казарму, а солдаты пошли вывести нашихъ братьевъ. Когда они вошли въ казарму, то мы сразу не могли даже признать ихъ за своихъ братьевъ. Какъ они увидѣли насъ, то у нихъ показались слезы изъ глазъ. Подошли они къ намъ, и мы съ ними поцѣловались и передали имъ душевный привѣтъ отъ всѣхъ родственниковъ. Мы начали у нихъ спрашивать:

— Что-же это вы, аѣ вы больны, что васъ нельзя на лицо угадать, такъ вы очень худые стали.

И второй разъ покатались у нихъ слезы изъ глазъ.

— Нѣтъ, мы не были больны, — говорятъ они намъ.

Тутъ-же стоялъ одинъ фельдфебель и началъ укорять насъ, что: вотъ это ваше ученіе доводитъ ихъ до такой степени.

— Развѣ они воруютъ или-же обижаютъ кого? — спросилъ я его.

— Нѣтъ, они не воруютъ и не обижаютъ, а только не слушаютъ правительства.

— Въ чемъ-же они не слушаютъ правительства?

— Да вотъ они не хотятъ принимать ружья; не хотятъ слушать.

— Вотъ что, — сказалъ я ему, — давай мы прекратимъ съ тобой разговоръ, — сказалъ я ему, — лучше намъ поговорить съ нашими братьями, а то намъ и такъ мало времени, всего одинъ часъ.

— Вамъ и часа много, — заворчалъ онъ на насъ, — но всетаки не сталъ больше прилипать, самъ отворотился отъ насъ и повелъ разговоръ съ товарищами солдатами.

— Какъ-же вамъ живется здѣсь, дорогой братецъ? — сталъ я спрашивать у брата кровнаго своего.

— Живется очень трудно, — отвѣтилъ онъ мнѣ, — какъ прибыли сюда, насъ встрѣтилъ полковникъ и ротные командиры. Съ перваго раза говорили съ нами очень хорошо и ласково. Жалѣли насъ и уговаривали насъ, чтобы мы приняли ружья и начали-бы вновь служить. Мы на это не спопалились*) и сказали, что мы оставили службу не на день и не на недѣлю, а навсегда. Они сейчасъ за это осерчали на насъ и очень грубо стали разговаривать съ нами... Это вамъ не Елисаветполь и не Тифлисская тюрьма — говорили они намъ — а здѣсь съ вами поступить иначе. Потомъ приказали гнать въ крѣпость.

Еще рассказалъ мнѣ братъ, какъ имъ начали вручать ружья, а они не стали ихъ принимать, а ихъ стали послѣ этого сѣчь по 30 розогъ, по 50 и по 80 розогъ. Послѣ розогъ сейчасъ сажаютъ въ холодную - карцеръ, по одному, каждаго отдѣльно. Черезъ день имъ вновь начинаютъ давать ружья. Они опять не принимаютъ ихъ, и ихъ вновь начинаютъ сѣчь, а когда приходятъ на обѣдъ, имъ подаютъ все мясное, а хлѣба очень мало. Они отказываются, говорить, что мясное не употребляютъ. На это имъ смѣются въ глаза и говорятъ: „ахъ, мы позабыли приготовить для васъ другой обѣдъ“ и тутъ-же спрашиваютъ: „что, еще будете ѣсть хлѣбъ?“ Мы отвѣчаемъ имъ: „ежели только дадите, то пожалуйста, дайте“. Тогда вскакиваетъ фельд-фебель и начинаетъ бить и даетъ „горячія пощечины“, такъ что едва удерживаешься на ногахъ.

Потомъ я потихоньку спросилъ: „а можно-ли купить на сторонѣ хоть черезъ солдата?“ Братъ сказалъ мнѣ, что есть хорошіе люди и если есть, за что купить, то принесутъ.

*) Не собрались съ мыслями, или не приготовились къ отвѣту. *Ред.*

У меня были приготовлены сто пятьдесят рублей для всѣхъ ихъ*). Я потихоньку подопхнулъ ему за голенище эти деньги и попросилъ брата, чтобы онъ роздалъ ихъ всѣмъ на руки и просилъ ихъ, чтобы они ободрились духомъ, чтобы не унывали, а на Господа Бога уповали.

Часовой сталъ глядѣть на часы и сказалъ, что время уходитъ.

Мы распрощались съ братьями. Они отправились въ крѣпость, а мы пошли къ полковнику. Мы стали просить, чтобы онъ позволилъ подать намъ братьямъ разной пищи. Хотѣли мы этого болѣе для того, чтобы всѣхъ увидѣть. Онъ сказалъ, что можете подать.

Мы купили 1 пудъ хлѣба, нѣсколько арбузовъ, картофеля и разныхъ фруктовъ. Когда принесли, онъ накинулся на насъ:

— Да вы съ ума сошли, принесли такъ много пищи. Развѣ мы ихъ не кормимъ?

Мы обратились къ нему ласково съ просьбой, чтобы онъ позволилъ имъ пообѣдать съ нами. Онъ не хотѣлъ даже и разговаривать съ нами объ этомъ и сказалъ, чтобы только одинъ изъ братьевъ вышелъ къ намъ и забралъ пищу. Мы передали ему все и съ тѣмъ отправились.

Разсказъ этотъ записанъ 13 января 1901 г. Ваней Зибаровымъ за своимъ отцемъ Николаемъ Зибаровымъ, въ Канадѣ, с. Вознесеніе.

Самопожертвованная любовь.

*Разсказъ духоборца Е. Р. Копыгина.**)*

Когда мы вздумали посѣтить своихъ братьевъ и сыновъ, — такъ какъ слышали, что на нихъ тяжело отражается, что имъ опять вручаютъ ружья, насильно заставляютъ ихъ обучаться воинской дисциплинѣ, — то насъ пошло трое: я — Емельянъ Копыгинъ, Иванъ Рыльковъ и Θεодоръ Новокшеновъ. У меня, Емельяна, было 12 руб. денегъ; я ихъ всѣ взялъ, и пошли мы на поѣздъ со станціи Скра и поѣхали въ Тифлисъ, гдѣ мы встрѣтились съ Новокшеновымъ и совѣтъ положили, что если уже идти туда, то чтобы съ нами ни случилось — можетъ быть жизнь положимъ, — но чтобы непременно передать имъ словесно; пусть хоть одинъ изъ насъ останется, хоть черезъ стѣну голосомъ, а передать, чтобы бросили ружья. Изъ Тифлиса ѣхалъ по-

*) Всѣхъ было тогда въ этомъ дисциплинарномъ батальонѣ 18 человекъ.

***) Получено отъ В. Д. Бончъ-Бруевича. *Ред.*

купщикъ, молочанинъ, и мы его упросили, чтобы онъ насъ повезъ въ Владикавказъ. Взялъ онъ съ насъ очень дешево, по 4 руб. съ каждаго. Мы поѣхали. Въѣхали въ Кавказскія горы, очень ужасныя горы видѣли. Трое сутокъ ѣхали въ скалахъ, встрѣтились съ эшелономъ казаковъ. Увидѣлъ насъ ихъ подрядчикъ и спросилъ:

— Куда вы ѣдете?

Мы отвѣтили: въ дисциплинарный батальонъ. Онъ спрашиваетъ:

— Зачѣмъ?

— Дѣтей провѣдать.

— А за что они тамъ сидятъ у васъ?

— Они служили въ солдатахъ и поставили ружья въ козлы: не хотятъ защищать себя оружіемъ, — отвѣтили мы.

— А что, паспорта-то у васъ есть?

— Нѣтъ, мы ссыльные, намъ паспортовъ не даютъ.

— Ну, а какъ васъ поймаютъ?

— Если поймаютъ, опять назадъ представляютъ.

Онъ говоритъ:

— Да это навѣрное такъ будетъ. Такъ вы во Владикавказѣ берите ужь поосторожнѣе въ кассѣ билеты. Если тамъ васъ не поймаютъ, то хорошо.

Потомъ онъ опять заговорилъ съ нами:

— Ну, хорошо, если они не хотятъ защищать себя оружіемъ, то какъ же можно быть безъ этого?

Мы отвѣтили ему:

— А какъ Іисусъ Христосъ защищалъ себя, когда его вели на распятіе, онъ имѣлъ ни есть числа ангеловъ и могъ бы своей силой защищаться, но не позволила его святая сила защищать себя.

Тогда подрядчикъ сказалъ:

— Такъ каждый желаетъ къ Богу придти. Но безъ того нельзя, чтобы не защищать себя отъ другихъ. Вѣдь вы знаете, что кто убиваетъ на войнѣ, тотъ не грѣшитъ; а то этакъ и всякій не захотѣлъ бы убивать и служить для защиты; но безъ этого нельзя.

А мы говоримъ ему:

— А развѣ вы не знаете, что всякое человекоубійство есть грѣхъ? гдѣ бы ни убилъ, но все-таки, значить, убилъ человека. А въ человекѣ — Богъ, намъ кажется, что мы рѣшаемся тогда убивать Бога.

Тогда онъ сказалъ намъ:

— Духъ Божій живетъ въ васъ.

Съ тѣмъ мы и распрощались.

Пріѣхали въ Владикавказъ осторожно. Одинъ взялъ билеты всѣмъ троимъ. Сѣли на машину и пріѣхали на станцію близъ дисциплинарнаго батальона. Какъ только слѣзли, явился къ намъ казакъ :

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, — отвѣчаемъ.

— Куда вы ѣдете?

Мы побоялись было прямо говорить. Но онъ сказалъ намъ :

— Нѣтъ, нѣтъ, я уже знаю, куда вы ѣдете, я уже вашихъ возилъ.

Тогда мы ему рассказали и наняли его провезти насъ пять верстъ за 3 рубля. Онъ привезъ къ себѣ въ домъ, въ той же станицѣ, гдѣ и крѣпость, и говоритъ намъ :

— Вы знаете, я боюсь, потому что вы безъ билетовъ. А у насъ правило, что если у кого будетъ находиться кто безъ билета, то берутъ штрафъ по 3 рубля за каждый день.

Мы говоримъ ему :

— Не бойся; если съ тебя будутъ брать, то мы заплатимъ.

Потомъ мы стали класть себѣ въ рукава письма. А Новокшеновъ привезъ съ собой 40 руб. передать солдатамъ; онъ взялъ къ себѣ въ рукавъ 20 руб. и мнѣ далъ 20 руб. Я тоже положилъ себѣ въ рукавъ, и мы пошли изъ станицы въ крѣпость къ полковнику. Было воскресенье. Подходимъ къ самой крѣпости; а дѣвки привезли туда арбузы продавать на маленькихъ коляскахъ. Мы спросили у нихъ :

— Гдѣ полковникъ живетъ?

Онѣ указали: вотъ окошко растворено.

Мы пришли къ его коридору. Тамъ жена его стоитъ. Мы поздоровались и спросили :

— Полковникъ дома?

— Дома.

— А если дома, позовите его пожалуйста.

Она пошла, и сейчасъ же вышелъ полковникъ. Поздоровался съ нами и спрашиваетъ :

— Зачѣмъ пришли?

— Ваше благородіе, сыновъ провѣдать.

Онъ спрашиваетъ :

— А кто ваши сыны?

Я отвѣчаю :

— У меня сынъ*) — Дмитрій Астафуровъ и племянникъ Иванъ Малаховъ.

*) Т. е. зять — мужъ дочери. *Ред.*

А другіе тоже такимъ же образомъ называютъ своихъ. Тогда полковникъ говоритъ намъ :

— Такъ вотъ вы имъ поговорите, чтобы они эти пустяки бросили, а служили бы, какъ слѣдуетъ.

Мы ему отвѣчаемъ :

— Да мы за этимъ сюда и пришли, чтобы они служили, какъ слѣдуетъ.

— Ну, такихъ людей можно допустить, только не болѣе, какъ на 1 часъ.

И сейчасъ же приказалъ фельдфебелю вести насъ въ канцелярію. Мы взошли. Потомъ ведутъ ихъ, нашихъ сыновъ, еще фельдфебель, писарь и прочій конвой. Подойдя къ намъ, сыны наши крѣпко заплакали, упали въ ноги, а потомъ мы стали цѣловаться. Мы сейчасъ же изъ рукъ въ руки передали имъ письма и деньги и начали передавать поклоны отъ домашнихъ. Кругомъ конвой.

Потомъ мы говоримъ :

— Что же это на васъ полковникъ обижается, что вы не хорошо служите. Надо царю служить правдой до крестной смерти, а эти *люшни* нужно въ сторону; а если и случится какой-либо проступокъ или ошибка, то все это Богъ прощаетъ.

Это я шумѣлъ громко для того, чтобы другіе шепотомъ передали остальнымъ, что имъ надо. Я опять повторяю :

— Что, понятно ли я вамъ говорю?

Сыны отвѣчаютъ :

— Понятно, спасибо.

Они хорошо знали, что мы говоримъ, — надо служить Богу, т. е. царю до крестной смерти, потому что Онъ царь; а *того* наши называютъ „кесарь“. Наши поняли, о какомъ царѣ идетъ рѣчь. А „люшни въ сторону“ — это ружья мы такъ называемъ. А стража подумала, что хорошо представляютъ сыновъ, и сейчасъ же доложила полковнику :

— Тѣ духоборы хорошо говорятъ своимъ сынамъ, велятъ служить царю.

Полковникъ обрадовался. Потомъ немного поговорили о домашнихъ, часъ скоро прошелъ. Потомъ повели насъ къ полковнику, а сыновъ на свое мѣсто. Полковникъ ласково встрѣтилъ насъ :

— Да, да, старички, пойдѣмъ-те, я вамъ покажу, гдѣ они спятъ.

Мы все осмотрѣли, а потомъ спросили :

Что, можно ли имъ завтра хлѣба подать?

Онъ сказалъ: „Да, можно.“

Утромъ мы рано принесли имъ хлѣба. Они уже загнали ихъ глину мѣсить, кирпичъ дѣлать. Мы подошли сажень на 50 и шумимъ :

Здорово!

Они отвѣчаютъ: слава Богу!

Потомъ Новокшеновъ шумитъ отцу на татарскомъ языкѣ:

— Я деньги кину вамъ черезъ канаву, я боюсь, что ихъ найдутъ у насъ.

А отецъ отвѣчаетъ ему тоже на татарскомъ языкѣ:

— Не надо, спрячьте гдѣ-нибудь.

Они были всѣ очень худые, избитые.

— А вчерашнее вы поняли?

Онъ отвѣчаетъ: поняли.

— А пригласны?

— Всѣ пригласны бросить ружья. Только надо съ плотью распрощаться, почти уже нѣтъ могуты.

А отецъ ему говоритъ:

— Удержи себя въ то время отъ пищи; можетъ тогда душа съ тѣломъ скорѣе разстанется.

А самъ заплакалъ.

Одинъ казанскій татаринъ услыхалъ издали насъ и доложилъ фельдфебелю. Фельдфебель сталъ къ Новокшенову подходить, а мы скорѣе ушли. Онъ началъ его допрашивать:

— О чемъ разговаривали?

Онъ подъ-козырекъ и отвѣчаетъ:

— Я съ ними здоровкался.

А онъ намъ еще раньше передалъ на татарскомъ языкѣ:

— Вы зайдите черезъ часъ на тотъ бокъ стѣны, гдѣ скирдъ; мы туда до-вѣтру ходимъ. Тамъ мы все черезъ стѣну и переговоримъ.

Такъ и сдѣлали. Черезъ часъ пришли мы, и отъ нихъ 2 человекъ, и тамъ мы обо всемъ переговорили.

— А вы поняли, что надо сдѣлать — не принимать ружья? Только не насильно, а добровольно, — если кто понялъ волю Бога, тотъ и дѣлай.

Они отвѣчаютъ:

— Если вѣрно дѣлать, то надо непременно бросить; только очень трудно, одна только вѣра держать. Бьютъ насъ колючими розгами, колючки длиной въ полвершка; а палачи пьяные бьютъ и потянуть розги по тѣлу. А утромъ еще ведутъ; рубаха къ тѣлу прилипнетъ съ кровью, — онъ схватитъ за рубаху и дергнетъ, и по больному тѣлу бьютъ опять, говорятъ: заучайся вотъ такъ военной дисциплинѣ.

Потомъ мы говоримъ:

— Дорогие братья, мы сюда затѣмъ и шли, что не могли вытерпѣть, чтобы вы несли военную дисциплину; потому что вѣра въ Бога любви ко всѣмъ не позволяетъ этого дѣлать и этому обучаться. Мы знали, каковъ до васъ допускъ и шли прямо, — хоть живы будемъ, хоть нѣтъ, а пойдемъ, посѣтимъ. Мы думали, вы уже опять стали служить, а теперь видимъ, что вы не въ силахъ сдѣлать сразу, — отдохните, а потомъ опять начинайте.

Затѣмъ мы разошлись. Мы уѣхали домой, а они черезъ двѣ недѣли всѣ бросили ружья. Первымъ вышелъ Иванъ Малаховъ и говоритъ:

— Ну, братья, вы сзади идите, а я впередъ пойду.

И онъ пошелъ впередъ, бросилъ ружье, и ему сейчасъ же дали шестьдесятъ ударовъ розогъ. Остальные всѣ тоже бросили ружья. Полковникъ подалъ заявленіе въ министерство. Изъ министерства пришелъ приказъ допросить еще разъ и выслать въ Якутскую область. Это мы уже послѣ узнали, письменно.

А намъ порѣшили, по нашему прошенію, выселиться въ Канаду.

Записывалъ Григорій Николаевичъ Коныгинъ. Разска-
зывалъ Емельянъ Романовичъ Коныгинъ.

Сентябрь 1900 г. Канада.

Письмо изъ дисциплинарнаго батальона

духобору И. Е. Конкину.)*

Возлюбленный братецъ Иванъ Евсѣевичъ.

[Первымъ долгомъ спѣшимъ увѣдомить Васъ, что насъ 25 сего же ноябрю отправляютъ въ г. Владикавказъ всего 33 человекъ, а 5 человекъ остается здѣсь же въ батальонѣ, а именно; М. Лебедевъ, П. М., Т. Р., Н. К., Н. Фофановъ. Съ насъ со всѣхъ былъ опросъ, допрашивали каждого, будетъ ли исполнять обязанность солдатъ, все, что касается до солдата, т. е. убивать, но 5 человекъ пожелали и они остались, а прочіе не пожелали, то отправляютъ насъ пока въ Владикавказъ, а дальше не знаемъ, куда и что будетъ]**). А потому просимъ Васъ болѣе не пишите сюда писемъ до другого адреса. Затѣмъ милые и дорогие наши Ваня, Варя

*) Это единственное письмо, прямо отъ заключенныхъ въ дисциплинарномъ батальонѣ, доставленное намъ и уцѣлѣвшее у насъ послѣ обыска 1897 г.

***) Заключенное въ скобки было тщательно вычеркнуто чернилами въ оригиналѣ, очевидно — пройдя сквозь цензуру военного начальства. Намъ удалось возстановить почти все дословно, за исключеніемъ трехъ именъ, въ которыхъ разобраны лишь заглавныя буквы. *Ред.*

и Тюничка посылаемъ мы Вамъ свое чистосердечное глубочайшее привѣтствіе съ любовью и душевный, низкій, пренизкій поклонъ отъ лица и до земли и желаемъ мы Вамъ отъ Господа Бога небесныхъ благъ, тѣлеснаго здоровья и душевнаго спасенія, а также цѣлуемъ мы Васъ заочно въ горячихъ объятіяхъ мысленно, крѣпко и горячо несчетно много и много разъ. Затѣмъ и до впредь будущаго письма остаемся всѣ живы и здоровы, слава Господу Богу и впередъ уповаемъ на Его святую волю.

Искренне любящіе Васъ братья ваши, вамъ извѣстные, Петръ Николаевичъ Сафоновъ.

Приписка :

Еще я кланяюсь, Петръ Н. Сафоновъ, я самъ немного могу писать, дома я не могъ читать ни одной буквы.

Письмо написано рукой духоборца В. Шерстобитова, а приписка сдѣлана собственноручно Сафоновымъ.

На поляхъ письма значится: 8 декабря читаль П... Б... (неразборчивая роспись военного начальства). *Ред.*

Разсказъ духоборца Антона Фофанова.

Фофановъ Антонъ изъ Елизаветполя былъ у оставшихся братьевъ въ дисциплинарномъ батальонѣ — у Матвѣя Лебедева, Николая Фофанова и Калмыкова. Антонъ Фофановъ былъ у нихъ 25-го декабря 1896 года. Посѣщаль ихъ и бесѣдовалъ съ Лебедевымъ, который на вопросъ Антона: „Почему остался здѣсь, въ этомъ убійственномъ мѣстѣ?“ — отвѣтилъ, что большое нападеніе было со стороны начальства.

Такъ говорилъ Лебедевъ:

— На имя мое присылались письма отъ братьевъ; содержаніе такого рода: просили меня подкрѣплять братьевъ въ батальонѣ. На меня полковникъ серчалъ и приказывалъ часто сѣчь за это, (такъ какъ эти письма всегда проходили черезъ руки полковника).

Лебедевъ просилъ передать братьямъ всѣмъ и своей родительницѣ, что:

— Богъ дастъ, поправлюсь. У меня сильно болитъ сердце за то, что я не выдержалъ всего нападенія.

И говоритъ еще:

— Поправлюсь, очень самъ скорблю объ этомъ.

Когда Антонъ подалъ имъ хлѣбъ и провизію, то Лебедевъ былъ очень тронутъ, со слезами проговорилъ:

— Я думалъ, вы про насъ совсѣмъ забыли, и мы за свое отступничество не стоимъ вашей любви.

Изъ письма духоборцевъ, ссылаемыхъ въ Сибирь.

14 января 1897 г., г. Тюмень.

Возлюбленные братцы и сестрицы въ Господѣ Иисусѣ Христѣ.

Благодать и миръ отъ Бога отца и Господа нашего Иисуса Христа надъ всѣми вами. Первымъ долгомъ увѣдомляемъ васъ, что мы, двадцать девять человекъ, 11 января прибыли въ городъ Тюмень, гдѣ и остановились зимовать, такъ что пробудемъ здѣсь до весны, т. е. числа до пятнадцатаго мая. Денегъ у насъ сейчасъ нѣтъ ни копѣйки, а которыя были у насъ въ батальонѣ, ихъ отобрали у насъ и выдали на нихъ квитанцію, а деньги отправили на мѣсто назначенія, и мы въ настоящее время находимся въ весьма тяжкомъ положеніи. Какъ вамъ извѣстно, когда мы были въ батальонѣ подъ наказаніемъ и угнетеніемъ, истожились и изнемогли отъ одного ржаного хлѣба, и того не въ достатокъ, такъ и до сего времени никакъ не можемъ собраться съ силами, вездѣ по пересыльнымъ пунктамъ теряемся по случаю болѣзни и слабости силъ. Федоръ Самородинъ остался въ больницѣ въ городѣ Владикавказъ,*) Федоръ Хаменовъ въ больницѣ въ городѣ Тулѣ, Александръ Гричинъ въ больницѣ въ городѣ Челябинскѣ. Дорогіе братцы и сестрицы, покорнѣйше просимъ мы васъ, не оставьте нашей просьбы, — пришлите намъ денегъ на первую необходимую нашу нужду, на сколько вы имѣете возможность, за что будемъ мы за васъ возносить Господу Богу глубокія и пламенные молитвы.

Изъ письма духоборца В. Шерстобитова къ И. М. Трегубову.

24 марта 1899 г., г. Якутскъ.

Путь съ Кавказа до Ноторы былъ таковъ: 25 ноября 1896 года насъ въ числѣ тридцати трехъ человекъ по Высочайшему повелѣнію подъ конвоемъ выслали изъ Екатериноградскаго дисциплинарнаго батальона въ Владикавказскую тюрьму, гдѣ пробыли 16 сутокъ. До Владикавказа слѣдовали двое сутокъ: одни сутки — пѣшкомъ, а другія — по желѣзной дорогѣ. Когда стали подъѣзжать къ городу, то насъ всѣхъ попарно заковали въ наручники и такъ вели до самой тюрьмы. Въ теченіе заключенія въ тюрьмѣ насъ водили въ областное правленіе для допроса и снятія при-

*) Былъ пересланъ въ Московскую пересыльную, гдѣ и умеръ. См. дальше. *Ред.*

мѣть. Тюремное начальство относилось къ намъ сочувственно. 12 Декабря отправили въ Сибирь тоже закованными до Тулы.

Изъ письма Е. И. П. къ А. К. Ч-ой.

Москва, 14 марта 1897 г.

... Въ настоящее время въ московской тюремной больницѣ находится одинъ духоборецъ, изъ отказавшихся солдатъ. Онъ пробылъ около года въ заключеніяхъ и былъ приговоренъ вмѣстѣ съ другими въ Якутскую область, но по болѣзни оставленъ въ Москвѣ. Я былъ у него два раза. Онъ болѣетъ чахоткою и имѣетъ очень плохой видъ, лихорадка, потъ, кашель и, кажется, долго не проживетъ. Но духомъ онъ совершенно спокоенъ и говоритъ, что всѣмъ доволенъ, и только жалуется на болѣзнь, хотя и къ ней относится совершенно безропотно. Попросилъ только хорошихъ книжекъ и молока. Пока я въ Москвѣ, постараюсь не упускать его изъ виду*).

**Письмо 32 духоборцевъ,
отправленныхъ изъ Екатериноградскаго дисциплинарнаго
батальона въ Якутскую область.**)**

г. Тюмень, 21 января 1897 г.

Возлюбленные наши братья въ Господѣ Іисусѣ Христѣ Евгеній Ивановичъ и Иванъ Михайловичъ и всѣ окружающіе васъ, благодать и миръ вамъ отъ Бога отца и Господа нашего Іисуса Христа во всѣ дни вашей жизни.

Затѣмъ милые и любезные и никогда незабвенные наши братцы, посылаемъ мы вамъ свое чистосердечное глубочайшее привѣтствіе съ любовью, отъ души низкій и пренизкій поклонъ отъ лица и до земли и желаемъ мы вамъ отъ Господа Бога тѣлеснаго здравія и душевнаго спасенія, а также цѣлуемъ мы васъ заочно въ горячихъ объятіяхъ мысленно, крѣико и горячо несчетно много и много разъ.

Дорогіе братцы, увѣдомляемъ васъ, что мы, 33 человекъ вышли изъ дисциплинарнаго батальона 25 ноября и слѣдуемъ административно въ Якутскую область подъ надзоръ полиціи на 18 лѣтъ. 11 января прибыли въ городъ

*) Духоборецъ Федоръ Самородинъ умеръ въ этой больницѣ. Ев. Ив. Поповъ, посѣщавшій умирающаго Самородина, получилъ 8 мая 1897 г. отъ тюремнаго надзирателя слѣдующее краткое извѣщеніе: „Покорно возвѣщаю вамъ: Федоръ Самородинъ покончилъ жизнь свою въ 2 часа дня“.

***) Это письмо напечатано въ „Свободномъ Словѣ“ № 1, 1898 г. *Ред.*

Тюмень, гдѣ по всему вѣроятію останемся зимовать и пробудемъ числа до 15 мая потому именно, что далѣе въ Сибирь партіи отсюда зимнимъ путемъ не идутъ, а отправляются лѣтнимъ, т. е. пароходомъ на Томскъ, а потомъ уже далѣе. Изъ среды нашей 4 человекъ остались въ больницахъ по случаю болѣзни и слабости силъ, а именно во Владикавказѣ, Тулѣ и Челябинскѣ.

Искренно любящіе васъ братья ваши, вамъ извѣстные.
Григорій Савельевичъ Зибаровъ.

Адресъ нашъ: въ г. Тюмень, Тобольской губ., тюремный замокъ, пересыльному N.

Письмо политическаго ссыльнаго къ Л. Н. Толстому.*)

Верхоленскъ.

Многоуважаемый Левъ Николаевичъ!

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Вы обратились въ редакцію одной петербургской газеты съ письмомъ о помощи кавказскимъ духоборамъ, — жертвамъ гоненія въ 1895 г. Въ то время, когда разоренные ахалкалакскіе духоборы, разогнанные по грузинскимъ деревнямъ, гибли отъ нищеты, — нѣсколько десятковъ дѣтей ихъ подвергались страшнымъ истязаніямъ въ дисциплинарномъ батальонѣ Екатериноградской станицы Терской области.

Я рѣшился сообщить Вамъ нѣкоторыя подробности этого послѣдняго обстоятельства, а также и о дальнѣйшей судьбѣ отказавшихся отъ оружія духоборовъ, — въ томъ предположеніи, что Вамъ неизвѣстно то, что я узналъ отъ нихъ самихъ во время совмѣстной жизни въ пути.

За отказъ отъ оружія и солдатской службы (2 апрѣля, 6 мая, 29 іюня 1895 г.) военный судъ (въ періодъ отъ 16 іюня 95 г. по 3 мая 96 г.) приговорилъ въ дисциплинарные батальоны 41 духобора изъ ахалкалакскаго уѣзда, Елизаветпольской губерніи и Карсской области. Изъ нихъ 11 человекъ были водворены въ Екатериноградскомъ батальонѣ 20 октября 1895 г., 8 человекъ — 29 декабря, 8 человекъ — 6 марта 1896 г., 1 человекъ — 23 апрѣля, 2 человекъ — 28 іюня, 4 человекъ — 9 августа и 7 человекъ — 4 октября. Дисциплинарному начальству было поручено принудить духоборовъ служить. За отказъ отъ ученій сначала ихъ запирали въ карцеръ на 3, 5, 10 и даже 15 сутокъ подрядъ. Потомъ, когда эта мѣра не при-

*) Это письмо было уже опубликовано въ „Листкахъ Свободнаго Слова“ № 1, ноябрь 1898 г. *Ред.*

вела ни къ чему, прибѣгли къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Начальникъ батальона, полковникъ Масловъ, и ротные командиры: Богаевскій, Шапкинъ, Окиницъ (?), Покровскій и Протопоповъ приговорили духоборовъ къ 20—30 ударамъ розогъ. Били пучками связанныхъ терновыхъ прутьевъ, угощая палачей во время экзекуціи водкой. Въ августѣ 1896 года подполковникъ Моргуновъ, заступившій мѣсто Маслова, и ротные командиры Богаевскій, Волковъ, Протопоповъ и Покровскій усилили наказаніе съ 30 до 60 и 80 ударовъ. Моргуновъ сѣкъ на кобылѣ . . .

Заключеннымъ солдатамъ и кадровымъ унтеръ-офицерамъ было приказано загонять духоборовъ въ церковь ремнями и шашками. Когда загнанные въ церковь духоборы отказались креститься и вставать на колѣни, — ихъ тутъ же до крови („обливались кровью“) избивали ремнями и шашками. Систематическія истязанія заставили духоборовъ согласиться ходить на ученіе и взять оружіе для приемовъ. Духоборы согласились на это, говоря, что въ дѣло оружія употреблять не будутъ ни въ какомъ случаѣ.

Объ упорствѣ ихъ донесли императору. Изъ Петербурга было приказано еще разъ спросить каждаго въ такой формѣ: „Будешь служить, будешь колоть, если царь прикажетъ, своего сосѣда?“ 7 человекъ сказали „да“ и были оставлены отбывать наказаніе въ дисциплинарномъ батальонѣ, а остальные 34 человекъ черезъ мѣсяць, 25 ноября 1896 г. были высланы въ Якутскую область.

Еще одна подробность. Старшій врачъ (при дисциплинарномъ батальонѣ) Преображенскій приходившихъ къ нему больныхъ духоборовъ принуждалъ ѣсть мясо, „плевалъ въ глаза и всячески надругался“ и прогонялъ безъ помощи. Избитыхъ розгами духоборовъ, — когда они не могли ни ходить, ни сидѣть, — этотъ врачъ не принималъ въ больницу.*)

Расколъ въ общинѣ, разрывъ съ ближайшими родственниками изъ-за разногласій по поводу присяги и оружія, разореніе близкихъ и ихъ бѣдственное положеніе въ изгнаніи не могли не оставить тяжелыхъ слѣдовъ въ душѣ высланныхъ. Для многихъ изъ нихъ, кромѣ того, не прошли безслѣдно побои, нанесенные во время молебствія на кругѣ и въ слѣдующіе дни, и жестокія истязанія въ батальонахъ.

*) Забитый до полусмерти Михаилъ Щербининъ, послѣ насильственного киданія черезъ кобылу, въ безчувственномъ состояніи былъ отправленъ въ больницу, но потомъ исключенъ оттуда врачомъ, за нежеланіе ѣсть мясо. Умеръ черезъ три дня въ казармахъ. *Ред.*

Всѣ они подавлены, убиты горемъ и пассивно относятся къ будущему. Они не простились съ родными, переписка же съ ними, разумѣется, затруднительна до крайности.

Во время этапнаго пути духоборы потеряли уже 4-хъ товарищей. Въ Челябинскѣ умеръ Александръ Гридчинъ, въ Красноярскѣ Иванъ Кухтиновъ, въ Москву увезли тяжело больного Ѳедора Самородина*), въ Якутскомъ острогѣ недавно умеръ Лукьянъ Новокшановъ. Здоровье многихъ больныхъ внушаетъ опасеніе. У Ѳедора Ѳоменкова и Ѳеодора Малова очевидные признаки чахотки; Филиппъ Поповъ потерялъ одинъ глазъ отъ трахомы. — Ссылка духоборамъ назначена въ административномъ порядкѣ (съ Высочайшаго утвержденія) на 18 лѣтъ.

Оправданіемъ примѣненія незаконнаго срока административной высылки выставляется срокъ дѣйствительной и запасной военной службы. Но въ числѣ 34 сосланныхъ духоборъ-солдатъ четверо прослужили два года; 6 человекъ по 1 году; на такой же срокъ высланы вмѣстѣ съ ними и отбывшіе весь срокъ дѣйствительной службы запасные (краснобилетцы). По извѣстіямъ, полученнымъ духоборами изъ дому, вслѣдъ за ними въ Якутскую область отправлены еще 80 человекъ „краснобилетцевъ“. Мѣстомъ для поселенія духоборовъ выбранъ Усть-Ноторъ, въ 300 верстахъ отъ Амги и на 150 верстъ выше Охотскаго тракта на сѣверо-востокъ отъ Якутска. Эта мѣстность, по словамъ товарищей, знающихъ Якутскую область, удобнѣе для земледѣлія, нежели раньше назначенный Алданъ. Изъ Якутска въ Усть-Ноторъ духоборы прибыли на 20-й день (25 сентября). На вимовье они поселились всѣ вмѣстѣ (30 человекъ) въ одной тунгусской юртѣ. Съ весны думаютъ приняться за расчистку пашни изъ подъ лѣса и постройку домовъ. Хлѣба на первое время они купили до 400 пудовъ (по 1 руб. 50 коп.) у скопцовъ въ Усть-Манѣ.

Къ нимъ перевели отправленныхъ было на Алданъ Ольховика и Середу и какого-то Егорова (тоже за отказъ отъ оружія). Ольховикъ и Середка полны жизни и энергіи, и я очень радъ за духоборовъ, что ихъ назначили къ нимъ.***) Въ матеріальномъ отношеніи они будутъ бѣдствовать, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не обзаведутся земледѣльческимъ хозяйствомъ. Казеннаго пособія будетъ недостаточно на одно пропитаніе, а здѣсь имъ надо обзавестись

*) Умеръ скоро въ тюремной больницѣ.

**) Ольховикъ и Середка въ виду совмѣстной жизни съ духоборами-вегетаріанцами отказались отъ охоты и рыбной ловли.

Ред.

инструментами и инвентаремъ (Ольховикъ отъ кого-то слышалъ, что земледѣльческія орудія имъ доставить казна, насколько это вѣрно — я не знаю), а прежде всего теплымъ платьемъ и обувью. Денежная помощь настоятельно необходима. На первое время казна выдала пособіе впередъ за три мѣсяца (до 1 января) 386 руб. на 30 человекъ (изъ пособія, очевидно, вычли собственные деньги, высланныя духоборамъ родными и отобранныя у нихъ въ тюрьмѣ). Слѣдовательно отправка денегъ прямо по адресу духоборовъ — бесполезна, такъ какъ соотвѣтственно присылкѣ будутъ сокращать казенное пособіе.

Оорошо было бы, если бы Усть-Ноторской колоніи прислали книгъ, начиная отъ азбуки и кончая обще-образовательными. Необходимы для нихъ важнѣйшіе медикаменты съ популярнымъ лечебникомъ.

Зная исторію послѣднихъ гоненій духоборовъ изъ разсказовъ ихъ самихъ, — мнѣ было крайне досадно читать искаженныя свѣдѣнія объ этомъ въ единственной подцензурной статьѣ на русскомъ языкѣ въ Бирж. Вѣд., къ тому же Ясинскій снабдилъ ихъ крайне пошлыми комментаріями и закончилъ реакціоннѣйшимъ и безстыднѣйшимъ проектомъ уничтоженія духоборческой общины.

Мнѣ кажется очень важнымъ дѣломъ, если бы вы изложили эту исторію на страницахъ какого-нибудь журнала. Нѣкоторые матеріалы (о тяжбѣ съ Губановымъ, такъ повліявшей на погромъ 29 іюля и объ этомъ разгромѣ), основанные на разсказахъ самихъ духоборовъ, я могъ бы прислать вамъ.

Фамиліи духоборовъ, сосланныхъ въ Якутскую область: Василій Шерстобитовъ, Григорій Зибаровъ, Михаилъ Орищенковъ, Николай Рыльковъ, Ник. Вас. Рыльковъ, Петръ Сафоновъ, Николай Щербаковъ, Петръ Солюкинъ, Даніиль Дысковскій, Никифоръ Сафоновъ, Григорій Ванинъ, Григорій Сухаревъ, Иванъ Малаховъ, Кирилль Чевельдѣевъ, Димитрій Астафоровъ, Кузьма Пугачевъ, Семень Усачевъ, Алистратъ Баулинъ, Илларионъ Шукинъ, Степанъ Рыбалкинъ, Ѳедоръ Ѳоминъ (Хоменовъ), Петръ Кинякинъ, Григорій Веригинъ, Иванъ Чуцковъ, Филиппъ Поповъ, Ѳедоръ Маловъ, Лукьянъ Новокшановъ (умеръ въ Якутскѣ), Николай Сухачовъ, Ѳедоръ Плотниковъ, Алексѣй Махортовъ, Александръ Гричинъ (умеръ въ Челябинскѣ), Михаилъ Щербининъ (умеръ въ батальонѣ въ Екатериноградской станицѣ), Иванъ Кухтиновъ (умеръ въ Красноярскѣ), Ѳедоръ Самородинъ — въ Москвѣ въ городской больницѣ. 16 изъ нихъ Спасскаго общества,

Елизаветпольской губ., 11 человекъ Шуртельскаго общества и 1 — Зарушатскаго общества, Карской области. Большинство изъ нихъ люди женатые. Жены и дѣти остались дома. Вмѣстѣ съ ними сосланъ запасной — Иванъ Рыбинъ и оставлены въ Александровскѣ, Иркутской губ., до зимней или весенней отправки на Ленскій трактъ запасные: Василий Поздняковъ, Петръ Свѣтлицевъ и Григорій Войкинъ.*)

Адресъ духоборовъ: Станція Амгинская, Якутской области и округа — Земскому засѣдателю 2-го участка для передачи на Усть-Нотору. Почта ходитъ только до сел. Амги. Письма ихъ подъ контролемъ полиціи.

Декабрь 1897 г.

Замѣтка отъ Редакціи.

Несмотря на то, что по Высочайшему распоряженію (осенью 1896 г.***) рѣшено было отказывающихся отъ военной службы по религіознымъ убѣжденіямъ — не посылать больше въ дисциплинарные батальоны, но наказывать ихъ ссылкой въ Якутскую область на 10 лѣтъ, — еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, очевидно по инерціи, продолжаютъ повторяться случаи заточенія духоборовъ въ дисциплинарные батальоны. Однако, продержавъ ихъ тамъ недолго (иногда всего нѣсколько дней), испробовавъ надъ ними всѣ мѣры строгости и издѣвательства и убѣдившись, что ничто не можетъ сломать твердости ихъ рѣшенія, — военное начальство отсылаетъ ихъ въ гражданскую пересыльную тюрьму въ Владикавказъ, откуда они препровождаются въ Якутскую область. Нѣкоторыхъ же изъ нихъ, совершенно произвольно, посылаютъ въ Туркестанскую область въ военныя части.***)

Дальше мы помѣщаемъ письма именно этихъ молодыхъ духоборцевъ, родители и семьи которыхъ уже переселились въ Канаду, и которые остались въ Россіи только потому, что были задержаны правительствомъ, какъ подлежащіе призыву. Всѣ они прошли черезъ дисциплинарный батальонъ и теперь находятся въ Сибири, гдѣ страдаютъ отъ крайней нужды и суровыхъ климатическихъ условій. Свѣдѣнія о ихъ положеніи и жизни въ ссылкѣ составятъ содержаніе отдѣльнаго выпуска нашихъ „*Материаловъ*“. Ч.

*) Имена вновь провѣрены и исправлены нами. Нѣкоторые изъ названныхъ здѣсь уже умерли съ тѣхъ поръ, какъ напр.: В. Шерстобитовъ, Ѳ. Маловъ, Ѳ. Хоменовъ, И. Чуцковъ.

**) См. ниже стр. 54.

***) См. ниже письма В. Струкова (стр. 39).

Письма духоборца Федора Егоровича Дьячкова.*)

Письмо первое.

20 апрѣля 1899 г.

Дорогіе мои родные, скажу я вамъ о нашемъ страданіи, да вы и сами знаете, когда мы были въ батальонѣ, то насъ гоняли въ церковь силой, а мы не шли. Разъ меня погнажи, а я не пошелъ; тогда унтеръ-офицеръ зачалъ меня бить, а я за дерево уцѣпился, онъ меня волокомъ заволокъ туда; а на другой разъ тоже сталъ гнать, — я былъ въ казармѣ, — тогда я уцѣпился за койку, онъ вынулъ пашку и говоритъ: „хочешь ты, я тебѣ голову сниму?“ Я ему отвѣчалъ: Да. Самого Спасителя били по устамъ и распяли и рабовъ его тоже бьютъ и мучаютъ.

Мы десять сутокъ были тамъ, но показались они въ десять мѣсяцевъ. Ахъ, милые, какъ тамъ трудно терпѣть! Мы были въ тюрьмѣ полтора мѣсяца, а теперь насъ вынудили въ пересыльный пунктъ, и не знаемъ, куда насъ отправятъ. Можетъ воротятъ въ батальонъ или пустятъ за границу. Я писалъ въ Караханъ письмо и просилъ у нихъ денегъ, они прислали письмо, и говорили наши старички, что собрали 7 рублей, но денегъ я не получалъ. У меня 21 руб. 61 коп. отобрали власти и мнѣ ихъ не даютъ. Я подавалъ прошенія туда, — извѣстія нѣтъ.

(Дальше идутъ поклоны роднымъ, друзьямъ и знакомымъ).

Письмо второе.

Владикавказскій пунктъ.

21 апрѣля 1899 г.

Сыновское увѣдомленіе.

... Дорогіе родители и братья, вы просите насъ прописать все подробно, все наше обхожденіе. Намъ писать все подробно очень много, потому что насъ возили по всему бѣлому свѣту, ну, пришлось видѣть плохого и хорошаго. Ну, хорошаго мало, ну и все обошлось хорошо, слава Богу. Сквозь вполне могли говорить. Вы спрашиваете, почему насъ не ровно судили? Потому что туда наши братья не доходили. Въ прошломъ году Николай Лахтинъ доходилъ туда, и его тоже осуждали въ дисциплинарный батальонъ. Потому и насъ осуждали туда. Оставшіеся братья были

*) Было напечатано въ „Листкахъ Свободнаго Слова“ № 15, 1900 г. Эти письма Дьячкова и Струкова доставлены намъ В. Д. Бончъ-Бруевичемъ, списавшимъ ихъ въ Канадѣ у родственниковъ Дьячкова. *Ред.*

на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были раньше наши братья, потому ихъ отправили, куда надлежитъ быть. Насъ пригнали изъ дисциплинарнаго батальона въ Владикавказскую тюрьму, и мы тамъ были полтора мѣсяца, а потомъ насъ изъ тюрьмы повели къ воинскому начальнику. Мы воинскаго начальника не видѣли, а вышелъ писарь и сказалъ: „отведите ихъ на пересыльную и вы будете до распоряженія“. И мы находимся двадцать одни сутки и ничего намъ неизвѣстно; когда были въ тюрьмѣ, держали путь въ Якутскую, а теперь не видно никакой дороги. Когда насъ пригнали въ часть*), и мы не приняли службу, и насъ арестовали и отобрали деньги. Я и Федоръ Струковъ были въ 17 батальонѣ, а Федоръ Дьячковъ былъ въ 6 батальонѣ. Мнѣ и Федору Струкову пришлось въ дисциплинарный батальонъ, а Федора Дьячкова. . . (?) Какъ отобрали и не прислали 28 руб. 61 коп., мы тогда съ тюрьмы подавали прошеніе туда, и до сихъ поръ извѣстій нѣту, а нужды мы не имѣемъ ни въ чемъ; деньги у насъ есть. Письма ваши получили; на меня шло два, оба получилъ. Затѣмъ прощайте до личнаго свиданія или до будущаго письма.

Остаемся любящіе васъ братья ваши живы, слава Богу, того желаемъ и вамъ.

Своеручно расписался Федоръ Дьячковъ.

А покойникамъ всѣмъ царствіе небесное. Прими ихъ, Господи, въ царствіе небесное.

Письмо третье.

21 мая 1899 г.

Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, который отдалъ себя самого за грѣхи наши, чтобы избавить насъ отъ настоящаго лукаваго вѣка.

Дражайшіе наши родители, и родительницы, и братцы, и сестрицы, просимъ мы васъ, дѣти ваши и братья ваши, отъ чистаго нашего душевнаго желанія, возлюбленные наши родственники, — примите вы отъ насъ низкій душевный нашъ поклонъ и хорошее пожеланіе. Во-первыхъ, милымъ и дорогимъ нашимъ родителямъ низко кланяемся вамъ, до стопа ногъ вашихъ и даже до матушки сырой земли и цѣлуемъ мы васъ въ ваши медовыя уста несчетно много разъ и желаемъ мы вамъ отъ Господа Бога тѣлеснаго здоровья и душевнаго спасенія. Еще кланяемся любезнымъ братцамъ и сестрицамъ низкимъ пренизкимъ поклономъ съ душевнымъ

*) Въ часть войска, куда были назначены на службу духоборцы. *Ред.*

привѣтомъ и цѣлуемъ мы васъ въ ваши сахарныя уста и крѣпко горячо обнимаемъ и желаемъ мы вамъ отъ Отца небеснаго душевнаго спасенія. Еще кланяемся милымъ и дорогимъ нашимъ сожительницамъ (идутъ еще поклоны).

Дорогіе наши родители и также братцы и сестрицы, скажемъ мы вамъ о нашей новинѣ: мы получили отъ 7-го мая изъ города Самарканда копію, по которой насъ осудили въ батальонъ. Но судья недоволенъ остался судомъ, и послѣдовала телеграмма, гдѣ застанетъ такихъ-то освободить изъ тюрьмы и причислить къ войску на продовольствіе. Наше дѣло передали въ главный военный судъ, а насъ прикомандировали на Владикавказскій пересыльный пунктъ, впредь до особаго распоряженія. Вы просили насъ опознать о Михайлѣ и Тимофеѣ. Мы узнали; ихъ тоже осуждали на три года въ батальонъ; они пробыли тамъ 1 мѣсяць и они намъ пишутъ, что не думали выйти живыми. Ну какъ послѣдовала телеграмма, и ихъ отправили въ городъ Моздокъ и они прикомандированы къ мѣстной командѣ. Они ходятъ вольно, работаютъ въ городѣ, и имъ командиръ разрѣшилъ варить пищу для себя. Отъ нихъ мы получили письмо. Мы на пересыльномъ находимся почти два мѣсяца. Иногда ходимъ на работу въ городъ: полемъ картофель, а также всякую овощь. Работа не тяжелая, и пищу намъ выдаютъ изъ общаго котла; мы только получаемъ одинъ хлѣбъ, остальнымъ не пользуемся. Старшого мы просили, чтобы намъ разрѣшили выдавать деньгами. Онъ сказалъ: „Нельзя особую для васъ пищу готовить. Разъ казенную пищу вы получаете, тѣмъ и должны пользоваться, а не хотите — это ваша добрая воля, какъ знаете“. Мы добавляемъ къ хлѣбу за свои деньги. Когда сидѣли въ тюрьмѣ, намъ князь позволялъ варить; пищу на свои деньги покупали.

Мы ходимъ пока на волѣ. Въ воскресенье выходимъ за городъ, по чистому полю погулять. Ну, родимые наши братцы и сестрицы, какъ мы глянемъ на чистое поле, ну очень и очень тяжело станеть на сердцѣ, такъ что иногда умываешься горячими слезами. Но все-таки переносимъ это съ великою радостью, иногда съ горемъ и трепетомъ, да какъ сдумаемъ и сгадаемъ свои прежнія лѣта, да разумѣемъ про нынѣшнія времена, да всѣ друзья наши, всѣ пріятели далеко отъ насъ живутъ, а сердце наше всегда съ вами.

Еще, дорогой братецъ Вася Андреевичъ, ты спрашиваешь у насъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, какъ мы скажемъ на-

счетъ себя? Мы думаемъ вамъ виднѣй, нашъ совѣтъ не прочь отъ тѣхъ братьевъ; ну, слова нѣтъ окончательнаго, а дальше посмотримъ, на чемъ окончится наше дѣло. Да еще совѣтуете подать просьбу; караханскіе ребята подали обо всѣхъ новобранцахъ, а мы обождемъ еще, что выйдетъ изъ суда, ну, только думаемъ, нашу просьбу не допустятъ, лютуютъ и серчаютъ на это.

У насъ Федоръ Арищенковъ заболѣлъ въ тюрьмѣ съ недѣлю и тутъ болѣлъ все время; ходилъ помалу, а болѣлъ лихорадкой; я поилъ его сладкой хининой, ну теперь сталъ поправляться, слава Богу. Затѣмъ и прощайте, впредь до свиданья или до будущаго письма. Остаемся живы и здоровы. Любящіе васъ сыны и братья ваши

Три Федора.

Писали два Федора: Струковъ и Дьячковъ.

Мы получили изъ Александровска два письма отъ Василія и Николая. Имъ написали два письма. Вашихъ изъ Кипра получили четыре письма.

Изъ писемъ духоборца Василія Струкова.*)

Письмо первое.

Дорогіе родители!

Вы меня спрашиваете, сколько верстъ отъ Тифлиса, и гдѣ я нахожусь теперь. Верстъ отъ Тифлиса — 2200 верстъ. Ъхалось намъ хорошо. Въ Баку были 4 дня. Сутки ѣхали пароходомъ по морю. Въ г. Красноводскѣ тоже 4 дня были. На четвертый день пригнали 7 человекъ Караханскихъ нашихъ братьевъ. Мы съ ними гуторимъ. Они говорили намъ, въ г. Асхабадъ насъ погонятъ. И двое елисаветскихъ. Одного погнали въ г. Александровскъ, туда къ Россіи. Говорятъ, одинъ въ г. Асхабадѣ. А мы какъ пріѣхали, Андрея на другой день взяли. Я еще былъ пять дней въ г. Мервь. Пришелъ на Кушку 2-го января, и потомъ пришло начальство и спрашиваетъ:

— Чѣмъ ты дома занимался?

Я имъ говорю: — У меня нѣту дома; я изъ ссыльныхъ. И я говорю вамъ, — я не буду служить.

И они меня не принуждали дюже. Я наслышалъ, Андрея тоже погнали въ городъ Асхабадъ. Я думаю, онъ тамъ и сообщился съ этими братьями. Если онъ вамъ писалъ, пропишите и мнѣ все подробно и адресъ его. Мой

*) Опускаемъ здѣсь поклоны родственникамъ и знакомымъ. *Ред.*

адресъ: Закаспійская область, Кушкинскій постъ, въ 4-ую роту Кушкинскаго резервнаго батальона, получить Василю Струкову.

Я вамъ посылаю письмо, получили ли или нѣтъ? Пропишите.

Пишите, за что взяли Ф. Веригина и Михаила Сафонова.

Мѣста тутъ жаркія и лихорадочныя. Дюже болѣютъ солдаты.

Рѣшенія мнѣ нѣту никакого и дюже скучно одному.*)

Письмо второе.

1900 г.

Родители и братья, увѣдомляю я васъ, посланное письмо ваше я получилъ и душевно благодарю, спаси васъ Господи, и увидалъ ваше здоровье. Я письмо получилъ въ среду вечеромъ 14-го января. Когда получилъ его, заплакалъ хорошо. Милые родители и братья, вы говорите мнѣ: „не плачь“. Какъ же мнѣ не плакать? Я одинъ здѣсь, какъ сирота горькая, не съ кѣмъ мнѣ поговорить. Всѣ говорятъ: „пропалъ ты! Больше не увидишь родныхъ своихъ“. Я имъ говорю: „какъ Богъ дастъ“.

Ученія не принялъ ихняго ничего. Винтовку давали и мнѣ. Я не взялъ. Они говорятъ:

— Ну, иди въ лазаретъ или въ конюхи, тамъ будешь безъ винтовки служить.

Я имъ говорю:

— Не могу я воинской повинности. Куда хотите, туда и дѣвайте.

Они говорятъ:

— Въ каторжныя работы на 18 лѣтъ.

Дорогіе родители, что же дѣлать мнѣ? Будемъ терпѣть...

Дорога была хорошая. Сколько верстъ — я не знаю. По морю сутки ѣхали и потомъ трое сутокъ до Мерва машиной ѣхали. Андрея тамъ взяли. Меня 300 верстъ пѣшкомъ гнали. 2-го января пришелъ на Кушку, и мнѣ дали шинель, шаровары и картузь. Рубаха моя и подштанники мои. Я живъ и здоровъ, слава Богу, того и вамъ желаю. Когда получите, пишите мнѣ поскорѣе и предлагайте, что дѣлать мнѣ. Пишите все подробно, не бойтесь ничего о всѣхъ дѣлахъ.

*) На этомъ письмѣ нѣтъ числовой даты. Кажется, оно было написано въ началѣ 1900 г. *Ред.*

ПИСЬМО Л. Н. ТОЛСТОГО

къ начальнику Екатериноградскаго дисциплинарнаго батальона.*)

Милостивый Государь,

Простите меня пожалуйста за то, что обращаюсь къ Вамъ безъ имени и отчества. Я не успѣлъ узнать этого, а между тѣмъ то, великой важности, какъ для меня такъ и для Васъ, дѣло, о которомъ мнѣ нужно писать Вамъ, не терпитъ отлагательства.

Дѣло это есть пребываніе въ Вашемъ батальонѣ Кавказскихъ духоборовъ, отказавшихся отъ военной службы.

Военное начальство, осудившее ихъ, и Вы, исполняющіе надъ ними приговоръ суда, очевидно признаете поступокъ этихъ людей вреднымъ и считаете полезнымъ тѣ мѣры строгости, которыя употреблены противъ этихъ людей; но есть люди — и ихъ очень много, — къ которымъ принадлежу и я, считающіе поступокъ духоборовъ великимъ подвигомъ, самымъ полезнымъ для человѣчества. Такъ же смотрѣли на такіе поступки люди древняго христіанскаго міра, и такъ же смотрятъ и будутъ смотрѣть на поступокъ духоборовъ истинные христіане новаго времени.

Такъ что взгляды на поступокъ духоборовъ могутъ быть совершенно различны. Въ одномъ только сходятся всѣ — какъ тѣ, которые считаютъ поступокъ духоборовъ добрымъ и полезнымъ, такъ и тѣ, которые считаютъ его вреднымъ, — а именно въ томъ, что люди, отказавшіеся отъ военной службы ради религіозныхъ убѣжденій и готовые нести за это всякія страданія и даже смерть, — не порочные люди, но люди высоко нравственные, которые только по недоразумѣнію власти, (недоразумѣніе, которое вѣроятно очень скоро будетъ исправлено,) поставлены въ одно и то же положеніе, какъ самые порочные солдаты.

Я понимаю, что Вы не можете взять на себя исправленіе ошибки или недоразумѣнія высшей власти, а, служа, исполняете обязанности службы. Конечно это такъ; но кромѣ обязанностей службы, взятыхъ Вами на себя произвольно и обязательныхъ для Васъ только во время малаго промежутка Вашей жизни, — у Васъ, какъ и у каждаго человѣка, есть обязанности не временныя, но вѣчныя и

*) Помѣщаемъ въ Приложеніи еще два другія письма по тому же поводу, написанныя И. М. Трегубовымъ и В. Г. Чертковымъ. *Ред.*

наложенныя на Васъ безъ Вашей воли и отъ которыхъ Вы не можете освободить себя.

Вы знаете, кто эти люди и за что они страдаютъ, и, зная это, Вы можете, не выходя изъ предѣловъ своихъ правъ и обязанностей, не вводить этихъ людей въ новое непослушаніе, и не подвергать ихъ за это наказаніямъ, вообще пожалѣть ихъ и, сколько возможно, облегчить ихъ участь; и точно такъ же можете, умышленно закрывая глаза на отличіе этихъ людей отъ другихъ преступниковъ, замучить ихъ до смерти, какъ это случилось въ Воронежскомъ дисциплинарномъ батальонѣ съ бывшимъ учителемъ, теперь всѣмъ извѣстнымъ Дрожжинымъ, погибшимъ тамъ мученикомъ своихъ христіанскихъ вѣрованій.

Въ первомъ случаѣ Вы пріобрѣтете благодарность и благословеніе самихъ заключенныхъ, ихъ матерей, отцовъ, братьевъ и друзей, главное же въ своей совѣсти найдете ни съ чѣмъ не сравнимую радость добраго дѣла; во второмъ же случаѣ, (я не говорю о самихъ заключенныхъ, потому что знаю, что они найдутъ утѣшеніе въ сознаніи того, что они смертью своею запечатлѣваютъ свою вѣру), какія страшныя осужденія Вы вызовете своей жестокостью въ родителяхъ, родныхъ и друзьяхъ тѣхъ, которые погибли бы подъ вашимъ начальствомъ, главное же Вы сами для себя въ этомъ случаѣ наживете такіе укоры совѣсти, которые не дадутъ Вамъ возможности ни радости, ни спокойствія.

Вѣдь можно бы было говорить: „я не знаю и знать не хочу, за что присланы ко мнѣ эти люди, но разъ они присланы, они должны исполнять законныя требованія и т. п.“, если бы Вы точно не знали этого; но вѣдь Вы знаете, — знаете хоть по этому моему письму, — что люди эти присланы за то, что они хотятъ исполнить законъ Бога, обязательный для Васъ такъ же, какъ и для нихъ, — законъ Бога, не только запрещающій убивать или истязать другъ друга, но предписывающій помогать другъ другу и любить.

И потому, если Вы не сдѣлаете все, что можете для того, чтобы облегчить участь этихъ людей, Вы навлечете на себя не видное, но самое тяжелое несчастіе — сознаніе явнаго нарушенія извѣстной Вамъ воли Бога, сознаніе непоправимаго, жестокаго, дурного дѣла.

Такъ вотъ почему дѣло, о которомъ я пишу Вамъ, есть дѣло великой важности и спѣшное. Для меня же это дѣло великой важности потому, что, если бы я не сказалъ всего этого, я бы чувствовалъ себя виноватымъ передъ Вами, передъ собою и передъ Богомъ.

Все на свѣтѣ можно поправить, только не безбожный и безчеловѣчный поступокъ, въ особенности когда зналъ, что онъ безбоженъ и безчеловѣченъ, и все-таки совершилъ его.

Простите меня, пожалуйста, если я что сказалъ лишняго. Истинно передъ Богомъ говорю, что то, что я написалъ, я написалъ только потому, что считалъ это своей обязанностью передъ Вами.

Я буду очень Вамъ благодаренъ, если Вы отвѣтите мнѣ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ

Левъ Толстой.

1 ноября 1896 года.

Адресъ: Городъ Тула. Графу Льву Николаевичу Толстому.

Официальные документы.

*Обвинительные акты,
на основании которых духоборцы-солдаты были осуждены
въ заключеніе въ дисциплинарныя батальоны.*

Обвинительный актъ.

О рядовыхъ Асландузскаго резервнаго пѣхотнаго батальона: Матвѣй Лебедевъ, Тимофей Романовъ, Николаѣ Кухтиновъ, Николаѣ Рыльковъ, Михаилъ Арищенковъ, Григоріи Зибаровъ, Николаѣ Фофановъ, Филиппъ Поповъ, Кузьмъ Пугачевъ, Александръ Гридчинъ и прикомандированномъ къ сему батальону рядовомъ Ахалкалакской мѣстной команды Петрѣ Маловѣ.

Изъ рапортовъ командировъ 1, 2, 3, 4 и 5 ротъ Асландузскаго резервнаго батальона за №№ 64, 49, 60, 47 и 58, а равно и дознанія, приложеннаго къ тѣмъ рапортамъ, видно, что рядовые Лебедевъ, Романовъ, Кухтиновъ, Рыльковъ, Арищенковъ, Зибаровъ, Фофановъ, Поповъ, Пугачевъ, Гридчинъ и Маловъ, согласившись предварительно между собою, по уговору рядового Лебедева, нарушить святость присяги и долгъ службы, они, подъ видомъ принадлежности къ духоборческой сектѣ, 2-го апрѣля сего 1895 года, то есть на первый день святой Пасхи, заявили своимъ фельдфебелямъ, а потомъ и ротнымъ командирамъ, что службу Его Императорскаго Величества нести не желаютъ, что они служатъ только Богу, что ихъ вѣра запрещаетъ имъ убивать людей, а по роду службы это можетъ встрѣтиться, если не на войнѣ, то при караулѣ арестантовъ. Несмотря на увѣщанія ротныхъ командировъ, названные нижніе чины упорно стояли на своемъ и категорически заявили, что служить не будутъ, и тогда же побросали свое оружіе. На дознаніи рядовой Лебедевъ и другіе заявили, что для спасенія души они отказываются отъ службы Царю земному, хотя бы за это пришлось претерпѣть муки тѣлесныя. На предварительномъ слѣдствіи, къ коему обращено было это дѣло, обвиняемый рядовой Матвѣй Лебедевъ, признавая себя виновнымъ въ томъ, что изложено выше сего, показалъ, что первоначально онъ заявилъ о своемъ нежеланіи служить въ военной службѣ своему фельдфебелю, а потомъ ротному командиру, отказавшись при этомъ отъ своего оружія; на второй день Пасхи подобное же заявленіе сдѣлалъ и баталіонному командиру; въ отвѣтъ на увѣщанія послѣдняго подобное заявленіе онъ, обвиняемый, сдѣлалъ потому, что хочетъ служить только одному Господу Богу, ибо служить двумъ господамъ, то есть Царю земному и Царю небесному, нельзя: въ военной службѣ обучаютъ убивать людей, какъ на войнѣ, такъ и арестантовъ во время ихъ побѣга, что противно вѣрѣ его, обвиняемаго, и шестой заповѣди Господней, въ которой сказано „не убей“; далѣе обвиняемый говоритъ: „я и теперь заявляю, что служить Государю

не желаю, служить буду только единому Господу. Желаю Государю повиноваться и, если у меня изъ двухъ рубашекъ онъ возьметъ одну, то я безпрекословно отдамъ эту рубашку. Если законъ потребуетъ противу моего вѣроученія, то я этого требованія закона не исполню; какъ вапрымѣрь, я никого не убью, какъ во время войны, такъ и въ мирное время, хотя бы меня и разстрѣляли, но я за свою вѣру готовъ претерпѣть всякую муку тѣлесную.“

Въ этомъ же смыслѣ и съ признаніемъ своей вины дали на слѣдствіи показанія и остальные обвиняемые, а именно: рядовые Николай Рыльковъ, Тимофей Романовъ, Николай Кухтиновъ, Михаилъ Арищенковъ, Григорій Зибаровъ, Николай Фофановъ, Петръ Маловъ, Кузьма Пугачевъ, Александръ Гридчинъ и Филиппъ Поповъ. Существо выше изложеннаго и при томъ почти въ той же формѣ рѣчи нашло себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей командировъ ротъ, капитановъ: Михаила Абрамовича Утнелова, Ивана Александровича князя Меликова, Ивана Георгиевича Федорова, Алексѣя Афонасьева Крупенникова и штабсъ-капитана Ореста Львовича барона Тизенгаузена, а равно и ротныхъ фельдфебелей Федора Цихмистрова, Филиппа Прудіуса, Ивана Блашкова, Григорія Присяжнюка и Федора Бацинскаго, а также и въ показаніи командира батальона полковника Михаила Чердилеліевича Чердилели, коему названные обвиняемые, всѣ сообща и лично, заявили о своемъ нежеланіи служить Государю, ссылаясь на то, что они должны служить лишь единому Господу Богу; никакія увѣщанія и угрозы на обвиняемыхъ не подѣйствовали, они все-таки остались при своемъ и свои положенія продолжали утверждать, при чемъ, по мнѣнію какъ этого свидѣтеля, такъ равно и по показанію штабсъ-капитана Крупенникова, фельдфебелей Цихмистрова, Прудіуса, Блашкова и Присяжнюка, руководителемъ всего этого дѣла былъ рядовой Лебедевъ, который и сдѣлалъ первоначальное заявленіе, а за нимъ и всѣ остальные обвиняемые. По показаніямъ этихъ же свидѣтелей видно, что заявленія обвиняемыхъ нельзя было признать сдѣланными въ почтительной формѣ рѣчи, скорѣе наоборотъ, причемъ заявленія эти носили въ себѣ несомнѣнно характеръ предварительнаго сговора, а не характеръ религіознаго энтузіазма, охватившаго сектантовъ. Свидѣтель рядовой Михаилъ Подовинниковъ, духоборецъ по вѣрѣ, показалъ: „лѣтъ 7 тому назадъ у насъ духоборовъ была Богородица Лукерья Васильевна, которая заправляла всѣмъ духоборческимъ народомъ, у нее былъ приближенный Петръ Веригинъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ Лукерьи Васильевны. Со смертью послѣдней, Петръ Веригинъ сталъ проповѣдывать новое духоборческое ученіе; онъ училъ о полномъ безбрачїи, запрещалъ употреблять въ пищу животное, проповѣдывалъ, что надо служить только Царю небесному, Царю земному служить не надо; черезъ это ученіе произошелъ у духоборцевъ расколъ, при чемъ на сторонѣ новаго ученія образовалось большинство. Послѣ ссылки Петра Веригина ученіемъ этимъ сталъ руководить его братъ Василій, къ нему примкнулъ также Иванъ Евсѣевичъ Конкинъ; эти два человѣка писали и совѣтовали солдатамъ духоборцамъ отказаться служить Царю земному; за это дѣло взялся рядовой Лебедевъ, который и подговорилъ своихъ единовѣрцевъ заявить въ 1-ый день Пасхи начальству о своемъ нежеланіи служить Государю, что дѣйствительно и было исполнено“. Такое же показаніе далъ на слѣдствіи и рядовой Михаилъ Тихоновъ, при чемъ оба эти свидѣтеля состоятъ въ старой вѣрѣ и къ послѣдователямъ Петра Веригина относятся враждебно.

Изъ приложенныхъ къ дѣлу вещественныхъ доказательствъ: тетрадей и писемъ, описанныхъ въ протоколѣ осмотра военнаго слѣдователя на стр. 73 - 79 дѣла, видно, что въ этихъ документахъ заключается вѣроученіе

новой духоборческой секты, при чемъ ученіе это касается чисто догматическихъ вопросовъ, а не политическихъ; указаній на то, чтобы не служить Царю земному и не присягать ему, въ этихъ документахъ не заключается.

По выпискамъ изъ алфавитовъ, на обвиняемыхъ значитъ: что всѣ они отмѣчены въ графѣ вѣроисповѣданія „духоборческой секты“ и всѣ они изъ крестьянъ, всѣ подъ судомъ не были; въ службѣ Лебедевъ, Арищенковъ, Рыльковъ, Зибаровъ, Кухтиновъ, Романовъ, Поповъ, Гридчинъ и Маловъ съ 1893 года, Пугачевъ и Фофановъ съ 1892 года, всѣ они были приведены къ присягѣ на вѣрность службы.

На основаніи вышеизложеннаго рядовые Матвѣй Лебедевъ, Тимофей Романовъ, Николай Кухтиновъ, Николай Рыльковъ, Михаилъ Арищенковъ, Григорій Зибаровъ, Николай Фофановъ, Филиппъ Поповъ, Кузьма Пугачевъ, Александръ Гридчинъ и Петръ Маловъ обвиняются въ томъ, что, принадлежа къ духоборческой сектѣ, они по уговору рядового Лебедева, всѣ одиннадцать человекъ, согласились между собою сообща отказаться отъ обязанности нести военную службу, подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ религіозное вѣроученіе запрещаетъ имъ служить Царю земному, для чего всѣ они 2 апрѣля сего 1895 года заявили сперва своимъ фельдфебелямъ, потомъ ротнымъ командирамъ, а 3-го апрѣля и своему батальонному командиру, что служить они не хотятъ; такъ на примѣръ, они никого не убьютъ, какъ въ военное время, такъ и въ мирное время, при окарауливаніи арестантовъ, хотя бы ихъ за это и разстрѣляли, при чемъ они, обвиняемые, оставили бывшее на нихъ оружіе и, несмотря на убѣжденія, продолжали выражать свою рѣшимость — отказываться отъ обязанностей, принятыхъ на себя присягою, и продолжали утверждать, что они служатъ только Богу, а не Царю и что за этотъ отказъ они готовы претерпѣть всякія тѣлесныя муки, и таковыя заявленія они продолжали дѣлать до момента арестованія всѣхъ ихъ командиромъ батальона.

Дѣяніе это предусматривается 110 ст. Св. Воен. Пост. кн. XXII.*)

По вышеуказанному обвиненію названные нижніе чины, согласно 2 п. 260 ст. Воен. Суд. Уст. и мнѣнія Военнаго Прокурорскаго надзора переданы командиромъ своего батальона Военно-Окружному суду 31 мая 1895 года. Г. Тифлисъ.

Обвинительный актъ.

О рядовыхъ Ахалкалакской мѣстной команды Дмитріи Яковлевъ Астафуровъ, Иванъ Николаевъ Чуцковъ, Иванъ Васильевъ Малаховъ и Николаѣ Васильевъ Рыльковъ.

Изъ рапорта начальника Ахалкалакской мѣстной команды отъ 29 іюня 1895 года за № 1029 и дознанія, приложеннаго къ тому рапорту, видно, что рядовые названной команды Димитрій Астафуровъ, Иванъ Чуцковъ, Иванъ Малаховъ и Николай Рыльковъ 29 іюня текущаго года въ 6 часовъ утра, бросивъ свое оружіе и всѣ состоящія на нихъ казенныя вещи, заявили фельдфебелю команды, что они, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, службу нести больше не желаютъ, и дѣйствительно въ тотъ день въ карауль, куда они были назначены, названные нижніе чины не пошли. Тѣмъ же дознаніемъ выяснилось, что отказъ этотъ былъ сдѣланъ поименованными рядовыми по предварительному между собою соглашенію.

На предварительномъ слѣдствіи, къ коему обращено было это дѣло, обвиняемые показали:

*) См. стр. 51.

Рядовой Дмитрій Астафуровъ, что онъ признаетъ себя виновнымъ въ томъ, что 29 іюня*), когда его назначили въ карауль, то онъ по назначенію не пошелъ, заявилъ при этомъ фельдфебелю, что служить не желаетъ, такъ какъ по вѣрѣ своей онъ убивать людей не можетъ, но ружья и амуниціи своей онъ въ то время не бросалъ. Никакого подговора относительно отказа отъ военной службы между ними не было.

Это самое показаніе дали на слѣдствіи и остальные обвиняемые, а именно рядовые Николай Рыльковъ, Иванъ Малаховъ и Иванъ Чуцковъ.

Свидѣтели по настоящему дѣлу показали:

Начальникъ команды капитанъ Сергѣй Михайловичъ Нарозовъ, что ночью 28 іюня онъ получилъ отъ Ахалкалакскаго уѣзднаго начальника письмо о томъ, что 29 числа, въ день Петра и Павла, духоборцы хотятъ сложить оружіе; желая испытать это, онъ, свидѣтель, приказалъ фельдфебелю команды назначить всѣхъ духоборцевъ въ тотъ день въ карауль. Утромъ фельдфебель доложилъ, что рядовые: Рыльковъ, Чуцковъ, Астафуровъ и Малаховъ, отказались итти въ карауль, заявивъ что они служить не желаютъ. По мнѣнію свидѣтеля этотъ отказъ несомнѣнно былъ результатомъ предварительнаго сговора названныхъ нижнихъ чиновъ.

Показаніе это, въ полномъ его объемѣ, нашло себѣ подтвержденіе и въ свидѣтельствѣ фельдфебеля команды Дмитрія Клочкова, унтеръ-офицеровъ: Михаила Древницкаго, Давида Солоницына и рядовыхъ Варфоломея Станюкинаса и Осипа Доувбароса съ упоминаніемъ ими, свидѣтелями, о томъ, что обвиняемые, отказавшись итти въ тотъ день въ карауль и вообще нести военную службу, просили принять отъ нихъ оружіе и всѣ казенныя вещи, но вещей этихъ они на полъ не бросали. Свидѣтели же унтеръ-офицеръ Древницкій и рядовые Станюкинасъ и Даувбаросъ послѣ того показали, что послѣ отказа нести службу было приказано слѣдить за ними и никуда не выпускать ихъ изъ палатки; объ этомъ распоряженіи было извѣстно и обвиняемымъ; несмотря на это рядовой Астафуровъ вышелъ изъ своей палатки и намѣревался пройти за заднюю линейку, а когда дневальный Доувбаросъ остановилъ его, то Астафуровъ хотѣлъ пройти туда силой, для чего оттолкнулъ отъ себя дневальнаго, но въ это время подошли Древницкій и Станюкинасъ и всѣ трое силой привели Астафурова въ его палатку.

Изъ надписи Ахалкалакскаго уѣзднаго управленія отъ 19 августа за № 859 видно, что, вслѣдствіе броженія между духоборцами, носились слухи, что нижніе чины мѣстной команды изъ духоборовъ предполагаютъ сложить оружіе и отказаться отъ несенія службы.

При дѣлѣ приложено письмо на страницѣ 31-й, въ которомъ изложено слѣдующее: „сейчасъ мнѣ сказали, что завтра, въ Петровъ день, ваши духоборцы, состоящіе у васъ въ командѣ, хотятъ сложить оружіе, кромѣ одного духоборца“. — Далѣе слѣдуетъ подпись писавшаго, фамилію коего прочесть трудно, и помѣтка: „28 іюня 12 часовъ ночи“.

*) Въ этотъ день, какъ извѣстно, такъ называемыми „духоборцами постниками“ производилось торжественное сожженіе оружія въ Тифлисской, Кареской и Елизаветпольской губерніяхъ. Желаящіе подробно познаться съ этимъ весьма важнымъ фактомъ въ исторіи послѣдняго движенія и сопряженныхъ съ нимъ гоненій на духоборцевъ, могутъ найти нужныя свѣдѣнія въ слѣдующихъ изданіяхъ „Свободнаго Слова“: 1) „О сожженіи оружія духоборцами“. Разсказъ Н. Зибарова. 2) „Обращеніе къ обществу по поводу гоненій на кавказскихъ духоборцевъ, составленное П. Бирюковымъ, И. Трегубовымъ и В. Чертковымъ“. 3) Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства, выпускъ 1-ый. Письма духоборческаго руководителя Петра Васильевича Веригина. 4) Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства, выпускъ 2-ой. Разъясненіе жизни христіанъ и „Быль у насъ, христіанъ, сиротскій домъ...“ (двѣ духоборческія рукописи) и 5) Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства, выпускъ 3-ій. Разсказъ духоборца Васи Позднякова, съ приложеніемъ документовъ объ избіеніи и изнасилованіи духоборческихъ жевщицъ казаками. Ред.

По выпискамъ изъ алфавитовъ на обвиняемыхъ значится: рядовой Дмитрій Астафуровъ, Иванъ Чуцковъ, Иванъ Малаховъ и Николай Рыльковъ происходятъ всѣ изъ крестьянъ, отъ роду первымъ тремъ 22 года, послѣднему 24, въ службѣ первые трое съ 1894 года, а послѣдній съ 1892 года, подъ судомъ всѣ они не были.

На основаніи вышеизложеннаго рядовые Астафуровъ, Чуцковъ, Малаховъ и Рыльковъ обвиняются въ томъ :

1) что въ іюлѣ мѣсяцѣ текущаго года они, желая заставить свое начальство измѣнить въ отношеніи ихъ правила и порядки военной службы, стоворились между собою отказаться отъ военной службы, подъ предлогомъ, что ихъ вѣроученіе запрещаетъ убивать людей, а это можетъ потребоваться отъ нихъ на войнѣ. Дѣяніе это предусматривается 111 ст. св. В. П. кн. XXII*) и

2) въ томъ, что всѣ они четверо 29 того же іюня, въ лагерѣ своей команды подъ Ахалкалаками, получивъ приказаніе итти въ карауль, умышленно этого приказанія не исполнили.

Дѣяніе это предусматривается 105 ст.***) ст. Воен. Пост. кн. XXII.

Кромѣ того одинъ рядовой Астафуровъ обвиняется также и въ томъ :

Что того же числа 29 іюня и тамъ же, получивъ приказаніе не отлучаться изъ своей палатки, онъ этого приказанія умышленно не исполнилъ и вышелъ изъ палатки, а когда былъ остановленъ на пути дневальнымъ, то, въ цѣляхъ противодѣйствія этому приказанію, оттолкнулъ отъ себя дневальнаго, а равно и другихъ подошедшихъ къ этому дневальному на помощь нижнихъ чиновъ.

Дѣяніе это предусматривается 106 ст. Св. В. П. кн. XXII†).

По вышеуказаннымъ обвиненіямъ названные нижніе чины, согласно 260 ст. Воен. Суд. Уст.††) и мнѣнія военно-прокурорскаго надзора, предавы Ахалцихскимъ военнымъ начальникомъ военно-окружному суду.

Сентября 11 дня 1895 года, г. Тифлисъ.

Обвинительный актъ.

О служителѣ Ахалкалакскаго мѣстнаго лазарета Васи́лѣи Федоровѣ Шерстобитовѣ.

29 іюня сего года надзиратель Ахалкалакскаго мѣстнаго лазарета, Семень Юркшевичъ, доложилъ начальнику лазарета, что служителъ Василій Шерстобитовъ, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, службу Его Императорскаго Величества нести болѣе не желаетъ.

На предварительномъ слѣдствіи, спрошенный въ качествѣ обвиняемаго, служителъ Ахалкалакскаго мѣстнаго лазарета Василій Шерстобитовъ объяснилъ, что, придя нѣсколько времени тому назадъ къ убѣжденію, что людей убивать нельзя, онъ все боялся, что его могутъ перевести въ строй, и 29 іюня узнавъ, что нѣсколько духоборцевъ изъ нижнихъ чиновъ Ахалкалакскаго мѣстной команды отказались служить, заявилъ надзирателю что служить не желаетъ, такъ какъ его могутъ перевести въ строй, а онъ, Шерстобитовъ, не желаетъ брать въ руки ружье и не можетъ убивать людей.

Кромѣ этого онъ, обвиняемый, ничего не заявлялъ, никакого сопротивленія не оказывалъ, съ рядовыми Чуцковымъ, Рыльковымъ, Малаховымъ и Астафуровымъ отказаться отъ службы не стоваривался и до 29 іюня не зная, что они также признали, что убивать людей нельзя, объ

*) См. стр. 52.

**) См. стр. 51.

†) См. стр. 51.

††) См. стр. 51.

этомъ предметѣ онъ съ ними не разговаривалъ и не поучалъ ихъ не брать въ руки ружья.

Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей нижепоименованныя лица показали: Надзиратель лазарета Юркшевичъ — что утромъ 29 іюня Шерстобитовъ заявилъ ему, что такъ какъ его товарищи, служившіе въ Ахалкалакской мѣстной командѣ, не хотятъ брать оружіе и отказались отъ службы, то и онъ, Шерстобитовъ, просить его доложить Начальнику лазарета, что служить не желаетъ, боясь попасть въ строй, гдѣ придется, быть можетъ, убивать людей, а онъ этого дѣлать не можетъ. Кромѣ того Шерстобитовъ больше ничего не говорилъ. Мѣсяца за два до этого Шерстобитовъ пересталъ ѣсть мясную пищу и говорилъ, что соблюдаетъ постъ.

Унтеръ-офицеръ Ахалкалакской мѣстной команды Солоницынъ — что весною этого года Шерстобитовъ неоднократно приходилъ въ команду и, удаляясь съ рядовыми Астафуровымъ, Малаховымъ, Чуцкимъ и Рыльковымъ, о чемъ-то съ ними разговаривалъ и читалъ имъ какія-то книги, напечатанныя по-славянски; на нѣкоторыхъ изъ нихъ свидѣтель замѣтилъ надпись „Новый Заветъ“; 25 іюня, замѣтивъ, что Шерстобитовъ пришелъ въ лагерь и удалился съ вышеозначенными нижними чинами за валъ, свидѣтель послѣдовалъ за ними и, пока его не замѣтили, успѣлъ разслышать слова Шерстобитова, что не надо брать ружей, надо воздерживаться отъ мясной пищи.

Начальникъ Ахалкалакскаго мѣстнаго лазарета капитанъ Нарозовъ пояснилъ, что наличность соглашенія Шерстобитова съ нижними чинами Ахалкалакской мѣстной команды: Рыльковымъ, Чуцковымъ, Астафуровымъ и Малаховымъ, относительно отказа отъ службы, вытекаетъ изъ того, что онъ, Шерстобитовъ, какъ оказалось, посѣщалъ названныхъ нижнихъ чиновъ въ командѣ, читалъ имъ книги и бесѣдовалъ въ сторонѣ отъ другихъ, а 25 іюня у лагерныхъ валовъ, по словамъ унтеръ-офицера Солоницына, велъ съ ними бесѣду именно на тему объ оставленіи оружія; кромѣ того имъ, капитаномъ Нарозовымъ, получено было отъ Ахалкалакскаго уѣзднаго начальника увѣдомленіе, что нижніе чины команды хотятъ сложить оружіе 29 іюня, что и подтвердилось, а Шерстобитовъ именно этого числа отказался отъ службы.

По выпискамъ изъ алфавита и журнала взысканій на служителѣ Ахалкалакскаго мѣстнаго лазарета Василій Федоровъ Шерстобитовъ значится, что родился онъ въ 1871 году, принадлежитъ къ духоборческой сектѣ, малограмотенъ, женатъ, на службу принятъ 4 ноября 1892 года; происходитъ изъ крестьянъ Тифлисской губерніи. Подъ судомъ не былъ и дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался.

На основаніи вышеизложеннаго служителѣ Ахалкалакскаго мѣстнаго лазарета Василій Шерстобитовъ обвиняется: 1, въ томъ, что въ іюнь мѣсяцѣ сего года онъ, опасаясь быть переведеннымъ изъ лазарета на службу въ строй и, желая воспрепятствовать подобному распоряженію начальства, сговорился съ рядовыми Ахалкалакской мѣстной команды: Рыльковымъ, Чуцковымъ, Астафуровымъ и Малаховымъ, принадлежащими къ одной съ нимъ сектѣ духоборцевъ, отказаться отъ военной службы подъ предлогомъ, что отбываніе таковой противорѣчитъ ихъ вѣроученію; дѣяніе это предусмотрено 111 ст. Св. Воен. Пост. XXII кн. 1869 г. изд. 2*) и 2, въ томъ, что 29 іюня сего года онъ, по тѣмъ же соображеніямъ, заявилъ лазаретному надзирателю Юркшевичу — съ просьбой доложить начальнику лазарета, — что онъ, Шерстобитовъ, не желаетъ продолжать службу, такъ какъ, въ случаѣ перевода его въ строй, онъ можетъ быть

*) См. стр. 51.

поставленъ въ необходимость, вопреки своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, употребить въ дѣло оружіе. Дѣяніе это предусмѣтливо 105 ст. той же книги и свода*). За означенныя преступныя дѣянія служитель Шерстобитовъ, на основаніи 2 п. 260 и 267 ст. Уст. Воен. Суд.***) и согласно заключенія Военно-Прокурорскаго надзора преданъ Военно-Окружному Суду Начальникомъ Тифлисскаго мѣстной бригады для совмѣстнаго сужденія съ рядовыми Ахалкалакской мѣстной команды Рыльковымъ и другими.

Сентября 22 дня 1895 года, гор. Тифлисъ.

Извлеченія изъ „Военныхъ Судебныхъ Установленій“.†)

97. За оскорбленіе начальника на словахъ, на письмѣ или въ печати, или же неприличнымъ дѣйствіемъ, виновный подвергается:

разжалованію въ рядовые, или исключенію изъ службы, или заключенію въ крѣпость отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, или отставленію отъ службы, или содержанію на гауптвахтѣ отъ одного до шести мѣсяцевъ;

или же потерѣ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ дисциплинарные батальоны или роты отъ одного года до трехъ лѣтъ, — или одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ.

А когда сіе учинено во время исполненія начальникомъ обязанностей службы:

исключенію изъ службы съ лишеніемъ чиновъ, или заключенію въ крѣпость отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ;

или же потерѣ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ дисциплинарные батальоны или роты отъ двухъ до трехъ лѣтъ.

99. За вызовъ начальника на поединокъ по дѣлу, касающемуся службы, виновный подвергается:

исключенію изъ службы съ лишеніемъ чиновъ, или заключенію въ крѣпость отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ, или разжалованію въ рядовые.

Начальникъ, принявшій вызовъ, подлежитъ тому же наказанію, какъ и сдѣлавшій ему вызовъ.

Буде, вслѣдствіе вызова, поединокъ состоялся, то наказаніе опредѣляется на основаніи правилъ о совокупности преступленій.

101 п. в. За преступленія, изложенныя въ статьѣ 98 сего устава, такой же потерѣ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ дисциплинарные батальоны, или роты отъ одного года до двухъ лѣтъ.

А если сіе учинено въ строю или при совершеніи преступленія причинены тяжелыя раны, тяжкіе побои или увѣчье, или послѣдовала смерть, хотя и безъ умысла на убійство, то виновный подвергается:

въ мирное время, — лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ;

*) См. стр. 51.

**) См. стр. 51.

†) Мы здѣсь приводимъ извлеченія изъ В. С. Устан., на которыя ссылаются обвинители духоборовъ. Ред.

въ военное время, — лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжную работу въ рудникахъ отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ.

Ст. 260. Военно-окружнымъ судамъ подвѣдомственны дѣла:

- 1) о генералахъ, штабъ и оберъ-офицерахъ и чиновникахъ военного вѣдомства;
- 2) о нижнихъ чинахъ по преступленіямъ и проступкамъ, предусмотрѣннымъ ст. 97, 99, 101 п. в. 111, 126, 127, 172, 186 и 232 XXII С. В. П., а равно по всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, влекущимъ за собою потерю всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію осужденнаго присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и другія болѣе тяжкія наказанія;
- 3) о всѣхъ вообще лицахъ подлежащихъ военному суду, — по преступленіямъ и проступкамъ, относящимся до нарушенія законовъ дисциплины и военной службы, когда въ нарушеніи этомъ вмѣстѣ съ военно-служащими участвовали лица гражданскаго вѣдомства, и
- 4) о всѣхъ вообще нижнихъ чинахъ, если вмѣстѣ съ обвиненіемъ предъявленъ имъ искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки свыше ста пятидесяти рублей, или когда за преступленіе и проступокъ опредѣлено въ законахъ, въ видѣ наказанія, денежное взысканіе свыше той же суммы

Ст. 267. Въ случаѣ обвиненія нижнихъ чиновъ въ нѣсколькихъ преступленіяхъ или проступкахъ, изъ коихъ одинъ подлежитъ разсмотрѣнію полковаго, а другіе военно-окружнаго суда, дѣло рѣшается военно-окружнымъ судомъ.

Извлеченія изъ „Свода Военныхъ Постановленій“ кн. XXII.

(Воинскія установленія о наказаніяхъ).

Ст. 105. За неповиновеніе, то есть умышленное неисполненіе приказанія начальника, виновный подвергается: исключенію изъ службы съ лишеніемъ чиновъ, или заключенію въ крѣпости отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ, или же къ потерѣ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ дисциплинарные батальоны, или роты отъ двухъ до трехъ лѣтъ.

106. За сопротивленіе исполненію приказаній или распоряженій начальника, однако безъ употребленія оружія или иного орудія, виновный подвергается,

а) въ мирное время:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжную работу на заводахъ на время отъ четырехъ до восьми лѣтъ, или ссылки въ Сибирь на поселеніе, или заключенію въ крѣпости отъ двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ и до четырехъ лѣтъ;
или же потерѣ нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ дисциплинарные батальоны или роты отъ двухъ лѣтъ и шести мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ;

б) въ военное время:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, или ссылки въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока или на время отъ двѣнадцати до двадцати лѣтъ;

в) въ виду непріятели:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни разстрѣляніемъ.

110. За явное возстаніе въ числѣ восьми и болѣе человекъ, съ намѣреніемъ воспротивиться начальству, или нарушить долгъ службы, виновные подвергаются,

- а) въ мирное время:
лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока;
- б) въ военное время:
лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни.

111. За всякаго рода соглашеніе въ числѣ двухъ и болѣе лицъ, съ цѣлью противодѣйствовать начальству или его распоряженіямъ, а также за составленіе прошеній, заявленій и тому подобныхъ бумагъ и за собираніе подписей къ нимъ, виновные подвергаются:

исключенію изъ службы съ лишеніемъ или безъ лишенія правъ, или заключенію въ крѣпость отъ двухъ мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ;

или же потерѣ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ дисциплинарные батальоны и роты отъ одного года до трехъ лѣтъ;

или одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ отъ двухъ мѣсяцевъ и двухъ недѣль до четырехъ мѣсяцевъ.

А когда отъ такого рода преступныхъ дѣйствій могли произойти вредныя для службы послѣдствія:

- а) въ мирное время:

исключенію изъ службы съ лишеніемъ чиновъ или заключенію въ крѣпости отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ;

или потерѣ нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ дисциплинарные батальоны или роты отъ двухъ до трехъ лѣтъ;

- б) въ военное время:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ четырехъ до восьми лѣтъ, или ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

Копія секретнаго отзыва штаба военного округа

отъ 6 ноября 1896 года за № 2835.

По приказанію вр. командующаго войсками препровождая при семь копію удостоившагося Высочайшаго утвержденія въ 5 день августа сего года всеподданнѣйшаго доклада Министра внутреннихъ дѣлъ по дѣлу духоборцевъ, прошу В. П-во: 1) сообщить мнѣ въ скорѣйшемъ по возможности времени свѣдѣніе о томъ, имѣются ли въ подвѣдомственныхъ Вамъ частяхъ въ настоящее время на лицо подлежащіе дѣйствию вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія духоборцы и другіе сектанты, отказывающіеся нести военную службу и не подающіе надежды на исправленіе, при чемъ, если такія лица имѣются, то доставить одинъ общій на всѣхъ списокъ съ обозначеніемъ частей, въ коихъ они состоятъ на службѣ, а также и того, возбуждено-ли противъ нихъ судебное преслѣдованіе; 2) доставить такой-же списокъ на всѣхъ тѣхъ лицъ помянутой категоріи, которыя, будучи приговорены за отказъ нести военную службу, подъ предлогомъ религіозныхъ воззрѣній, къ отдачѣ въ дисциплинарные батальоны, или находятся въ сихъ батальонахъ, или еще не отправлены туда по назначенію, при чемъ послѣднихъ одновременно съ тѣмъ приказать безотлагательно передать въ вѣдѣніе гражданскаго начальства на предметъ высылки въ Якутскую область подъ надзоръ полиціи, и 3) сдѣлать

распоряженіе, чтобы на будущее время подвѣдомственные В. П-ву начальники частей войскъ со всѣми сектантами, отказывающимися нести службу подъ знаменами, поступали на точномъ основаніи вышенаприведеннаго Высочайшаго повелѣнія 5 августа сего года. Подписи.

Копія Всеподданнѣйшаго доклада Министра Внутреннихъ Дѣлъ.*)

Секретно.

Въ минувшемъ году среди духоборцевъ и послѣдователей нѣкоторыхъ другихъ такъ называемыхъ рационалистическихъ сектъ возникло движеніе, выразившееся въ отказахъ, подъ предлогомъ религіозныхъ воззрѣній, отъ исполненія воинской повинности во всѣхъ ея видахъ, вслѣдствіе чего многіе изъ означенныхъ сектантовъ, по приговорамъ военныхъ судовъ, присуждены къ отдачѣ въ дисциплинарные баталіоны. По имѣющимся, однако, свѣдѣніямъ наказаніе это не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ упомянутые сектанты, состоя въ дисциплинарныхъ баталіонахъ, продолжаютъ упорно отказываться отъ исполненія всякихъ требованій начальства, и если и подчиняются затѣмъ извѣстнымъ требованіямъ, то лишь уступая силѣ, а не собственному убѣжденію. При наличности такихъ условій пребываніе сектантовъ въ дисциплинарныхъ баталіонахъ, создавая серьезныя затрудненія для военнаго начальства, можетъ оказать весьма вредное вліяніе на поддержаніе столь необходимой въ этихъ воинскихъ частяхъ строгой дисциплины. Изыскивая наиболее подходящій исходъ изъ такого нежелательнаго положенія вещей, Министерство внутреннихъ дѣлъ остановилось на мысли о замѣнѣ нынѣ практикуемаго порядка преслѣдованія сектантовъ, отказывающихся отъ исполненія воинской повинности, высылкою ихъ административнымъ порядкомъ въ отдаленныя мѣстности Имперіи, наприм. въ Якутскую обл., подъ надзоръ полиціи. Военный Министръ, съ своей стороны, признавая проектируемую мѣру вполне цѣлесообразной, находитъ, что, несмотря на достигнутые результаты, нынѣ примѣняемая относительно духоборцевъ - нижнихъ чиновъ мѣры представляются вообще нежелательными, тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ, при закоренѣломъ упорствѣ сектантовъ, эти мѣры могутъ оказываться вполне не достигающими своей цѣли, а примѣняющее ихъ начальство безсильнымъ побороть заблужденія неповинующихся, что несомнѣнно можетъ подать поводъ другимъ сектантамъ поступать такъ же, какъ ихъ предшественники, а на остальныхъ нижнихъ чиновъ имѣть дурное вліяніе. Далѣе, находя, что въ интересахъ военнаго вѣдомства желательно освободиться отъ сектантовъ, которые за полнымъ отказомъ нести военную службу, становятся для вѣдомства только лишнимъ бременемъ, Генераль-Адъютантъ Ваяновскій, относительно срока проектируемой ссылки, полагаетъ, что таковой для достиженія желательнаго результата, долженъ

*) Изъ нелегальнаго сборника „Наше Время“ 1897 г., изданіе Общества „Народное Право“. Ред.

соотвѣтствовать не только сроку дѣйствительной службы нижнихъ чиновъ подъ знаменами, но и сроку пребыванія ихъ въ запасѣ, т. е. 18 годамъ, ибо въ противномъ случаѣ, ссылка на менѣе продолжительный срокъ можетъ послужить лишь поводомъ къ уклоненію отъ воинской повинности. Министръ юстиціи съ своей стороны не встрѣчаетъ препятствій къ осуществленію вышеизложенныхъ предположеній. Въ виду сего представляется вполне цѣлесообразнымъ духоборцевъ и другихъ сектантовъ, находящихся нынѣ за отказъ нести военную службу въ дисц. баталіонахъ и не подающихъ надежды на исправленіе, и также тѣхъ, которые, при послѣдующихъ призывахъ къ исполненію воинской повинности, откажутся по тѣмъ же причинамъ отъ исполненія таковой подъ знаменами или въ запасѣ, высылать административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи въ Якутскую область на полный срокъ ихъ службы, т. е. на восемнадцать лѣтъ, безъ права отлучки въ теченіи этого времени изъ предѣловъ области. На приведеніе означенной мѣры въ исполненіе Министры Военный и Внутреннихъ Дѣлъ всеподданнѣйшимъ долгомъ постановляютъ себѣ испрашивать Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе. Подлинный подписали Генераль-Адъютантъ *Ванновскій* и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ *Горемыкинъ* 4 августа 1896 г. На подлинномъ Высочайшая резолюція: „Согласенъ“ въ Петергофѣ 5 августа 1896 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ *Горемыкинъ*.

Приложеніе.

I.

Письмо И. М. Трегубова

къ начальнику Екатериноградскаго дисциплинарнаго батальона.

Милостивый Государь,

Я давно прослышалъ, что мои братья по вѣрѣ, такъ называемые духоборцы, (Матвей Лебедевъ и другіе) заключены въ Екатериноградскій дисциплинарный батальонъ за то, что, рѣшивъ провести въ жизнь заповѣдь Христа о любви, они отказались отъ военной службы. Также давно мы слышали, что этихъ нашихъ братьевъ не только заключили въ батальонъ, но еще стали подвергать ихъ жестокимъ наказаніямъ, стали ихъ бить, сѣчь, морить голодомъ, изнурять работою и тому подобное. Слыша все это, я давно порывался просить Васъ, въ вѣдѣніи котораго находятся эти страдальцы, облегчить ихъ тяжелое положеніе. Но я долго боролся съ этою мыслью и съ этимъ желаніемъ. Я говорилъ себѣ: „что значить твой голосъ? Кто можетъ послушать тебя? Молчи. Это не твое дѣло“. Но вотъ, какъ бы изъ глубины своей души я сейчасъ услышалъ голосъ: „Я былъ въ темницѣ, и ты не посѣтилъ меня“ (Евангеліе, Матѳеи 25 гл. 43 ст.). „Меня били, и ты не заступился за меня“. Вы знаете, чей это голосъ, и понимаете, почему теперь никакая сила не можетъ удержать меня отъ ходатайства передъ Вами за моихъ братьевъ. Я знаю, что и вашей душѣ свойственно любить, а не мучить людей, и потому во имя этой любви умоляю Васъ прекратить истязанія моихъ братьевъ. Я знаю еще, что Вы христіанинъ и потому Вамъ не безъизвѣстно, что Христосъ училъ любить всѣхъ людей и даже враговъ — (Евангеліе, Матѳеи 5 гл. 44 ст.) — а не убивать ихъ на войнѣ или готовить ихъ къ военной службѣ для убійства. „Возврати мечъ твой въ его мѣсто, ибо всѣ взявшіе мечъ мечомъ погибнутъ“, — (Евангеліе, Матѳеи 26 гл. 52 ст.) — сказалъ онъ своему ученику, выступившему на защиту его отъ враговъ. Не безъизвѣстны также должны быть Вамъ и слова любимаго его ученика, апостола Іоанна: „никакой челоуѣкоубійца не имѣетъ жизни вѣчной“ — (Первое посланіе Іоанна, 3 гл. 5 ст.). Если въ Вашей душѣ теплится еще искра христіанской вѣры, то вы не можете не сознавать противорѣчія между этой вѣрой, призывающей къ любви, и военной службой, обучающей челоуѣкоубійству, и потому во имя этой вѣры я умоляю Васъ не мучить моихъ братьевъ за то, что они хотятъ быть вѣрными этой самой вѣрѣ, но всѣми силами позаботьтесь объ облегченіи ихъ тяжелаго

положенія въ предѣлахъ данной Вамъ возможности. Если бы я былъ такъ счастливъ, что мой голосъ былъ бы услышанъ Вами, и Вы сочувственно отнеслись бы къ моей просьбѣ, то я еще объ одномъ прошу Васъ: передайте мою любовь моимъ братьямъ и попросите ихъ увѣдомить или Вы сами увѣдомьте меня объ ихъ положеніи въ настоящее время.

И. Треубовъ.

9 го мая 1896 года.

II.

Письмо В. Г. Черткова

къ начальнику Екатериноградскаго дисциплинарнаго батальона.

Милостивый Государь,

Надѣюсь, что Вы не сочтете дерзостью съ моей стороны то, что, не будучи лично съ Вами знакомъ, я беру на себя смѣлость письменно къ Вамъ обратиться. Побуждаетъ меня къ этому единственно мое сознаніе передъ Богомъ, что мнѣ слѣдуетъ такъ поступить. Не занимая никакой служебной должности, могущей послужить къ тому официальной преградой, я рѣшился обратиться къ Вамъ, какъ человѣкъ къ человѣку, въ надеждѣ, что Вы въ этомъ увидите лишь проявленіе моего почтительнаго довѣрія къ Вамъ.

Изъ прилагаемой моей статьи*), если Вы пожелаете ее прочесть, Вы узнаете поводъ къ настоящему письму моему. Несмотря на совершенное различіе нашихъ личныхъ отношеній къ данному вопросу, я думаю, что Вы не можете не согласиться съ главными мыслями, изложенными въ этой статьѣ, къ моей большой радости, уже успѣвшей встрѣтить сочувствіе со стороны нѣсколькихъ государственныхъ лицъ, ознакомившихся съ ея содержаніемъ.

Въ настоящее время въ подвѣдомственномъ Вамъ Екатериноградскомъ Дисциплинарномъ Батальонѣ содержится цѣлая группа людей, такъ называемыхъ „духоборовъ“, которые по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ не могутъ принимать участія въ военной службѣ и потому въ этомъ военнотюремномъ учрежденіи находятся въ такомъ же точно положеніи, какъ и тѣ люди, о которыхъ сообщается въ моей статьѣ. Если даже считать, какъ Вы, конечно, не можете не считать, убѣжденія этихъ людей ошибочными, все же нельзя не признать, что, въ области этихъ своихъ убѣжденій, люди эти проявляютъ замѣчательную добросовѣстность и истинное мужество, стараясь не отступать отъ того, что они считаютъ для себя волей Божьей, — несмотря на претериваемыя ими за это страшныя страданія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — даже и смерть. И потому всякій честный человѣкъ, какое бы ни было его личное отношеніе къ военной службѣ, не можетъ, во всякомъ случаѣ, не отнестись съ уваженіемъ и состраданіемъ къ этимъ мученикамъ за свою совѣсть и не пожелать, по мѣрѣ возможности, облегчить ихъ ужасное положеніе.

*) „Напрасная жестокость“ — копія на ремингтонѣ.

Въ свое время, безъ сомнѣнія, Правительство выработаетъ определенное отношеніе къ такимъ людямъ, при которомъ его собственные интересы будутъ вполне соблюдены, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, люди эти перестанутъ быть превращаемы въ мучениковъ за свою вѣру. Но при теперешнемъ еще невыясненномъ положеніи этого, только недавно возникшаго, вопроса, участь вышеупомянутыхъ духоборовъ находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ Вашихъ, какъ ближайшаго и непосредственнаго начальника того учрежденія, въ которомъ они содержатся.

Умоляю Васъ, Милостивый Государь, вникните внимательно въ поведеніе этихъ людей и въ то, что побуждаетъ ихъ поступать такъ, какъ они поступаютъ. Если только Вы это сдѣлаете, то тотчасъ же сами увидите, что они кореннымъ образомъ отличаются отъ всѣхъ остальныхъ подвѣдомственныхъ Вамъ арестантовъ, и что поэтому было бы слишкомъ несправедливо и жестоко предъявлять къ нимъ тѣ же самыя требованія и за неисполненіе этихъ требованій подвергать ихъ тѣмъ же наказаніямъ, какъ и остальныхъ заключенныхъ. Если обыкновенный арестантъ уклоняется отъ исполненія предъявляемыхъ ему служебныхъ требованій, то онъ дѣлаетъ это, слѣдуя побужденіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ велѣніями своей совѣсти. Эти же люди въ Батальонѣ Вашемъ поставлены въ такое положеніе, что многія требованія ихъ начальства, самыя обыкновенныя въ глазахъ остальныхъ заключенныхъ, для нихъ являются противными волѣ Бога, какъ они ее понимаютъ по отношенію къ себѣ. И какъ никакой христіанинъ не считаетъ позволительнымъ обращать язычника отъ вѣры въ идоловъ къ истинному Богу посредствомъ побоевъ, заточеній и угрозъ, — такъ точно и тѣ, которые не раздѣляютъ убѣжденій этихъ людей, не могутъ, по совѣсти, считать позволительнымъ примѣненіе къ нимъ принудительныхъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью заставить ихъ поступать противно своей вѣрѣ раньше, чѣмъ они внутренне убѣдились въ ея ложности.

Каждый изъ насъ знаетъ, какая страшная отвѣтственность передъ Богомъ ложится на душу того человѣка, который, ради какихъ бы то ни было цѣлей, старается насильственно заставить другого поступить противно его совѣсти. Не дай Богъ никому изъ насъ подпасть такой отвѣтственности. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; и очень скоро, — гораздо скорѣе, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, — настанетъ для каждаго изъ насъ день отвѣта передъ Нимъ. И каждый изъ насъ знаетъ, что передъ этимъ высшимъ судомъ не человѣческимъ, а Божескимъ, ему придется отвѣчать не за какія-нибудь уклоненія отъ тѣхъ или другихъ служебныхъ предписаній и не за нарушенія условныхъ требованій человѣческаго общественнаго мнѣнія, но — за всякое его отступленіе отъ ему одному известныхъ и понятныхъ требованій внутренняго голоса своего Бога, — того Бога, отъ котораго онъ вышелъ и къ которому вернется, оставляя эту жизнь.

Что же, передъ судомъ этого вѣчнаго Начала любви и истины, — представляютъ тѣ люди, не могущіе по своей совѣсти принимать участія

въ военной службѣ, земная судьба которыхъ, въ настоящую минуту, находится въ Вашей власти? Передъ Богомъ любви эти люди являются, конечно, самыми вѣрными и послушными Его служителями. Они просто и всецѣло повѣрили въ истинность и непреложность тѣхъ требованій любви, которыя Онъ самъ вложилъ въ ихъ сердца и раскрылъ имъ въ жизни и ученіи Иисуса Христа. Эти люди отличаются отъ остальныхъ только тѣмъ, что поставили Божескій законъ любви къ человѣку выше всего остального, и что такъ прониклись его духомъ и обязательностью, что никакъ не могутъ согласиться ни убивать, ни учиться убивать человѣка. Воля Божья стала для нихъ дороже всего на свѣтѣ, и они пошли въ тюрьму, на мученія, на смерть, — лишь бы не нарушить требованій этой Божественной любви, которою они живутъ. Поступить на военную службу они не могутъ потому только, что находятся на службѣ Того, кто велѣлъ „любить враговъ“ и научилъ людей тому, что „никакой чело-вѣкоубійца не имѣетъ жизни вѣчной“ („Евангеліе“ Матѳея, гл. 5, ст. 44; а также „Первое Посланіе Іоанна“, гл. 3, ст. 15).

И каково, передъ тѣмъ же высшимъ судомъ Божьимъ, наше собственное положеніе по отношенію къ этимъ людямъ? Передъ лицомъ Бога мы можемъ только, смиренно признавъ чистоту и святость побужденій этихъ дѣтей Его, благодарить ихъ за тотъ свѣтъ, которымъ они озаряютъ окружающій насъ мракъ, — за ту истинную любовь, которою они согрѣваютъ наши охладѣвшія сердца. Въ глазахъ Божіихъ эти люди страдаютъ, вѣдь, ради насъ: они терпятъ свои мученія изъ любви къ ближнему, то есть ко мнѣ, къ Вамъ, ко всѣмъ, кто намъ дороги. Какъ же не сознать намъ нашей святой обязанности передъ Богомъ сдѣлать все возможное для доставленія имъ той душевной поддержки, въ которой они, какъ люди, не могутъ по временамъ не нуждаться, и — для облегченія ихъ земной участи, тяжесть которой должна иногда быть для нихъ почти непосильной?

То движеніе къ мирному братству человѣчества, въ которомъ участвуютъ эти люди, со дня на день все шире и глубже разрастается. Со всѣхъ сторонъ, какъ изъ Россіи, такъ и изъ другихъ странъ, до насъ доходятъ радостныя вѣсти о новыхъ и новыхъ случаяхъ подобныхъ же отказовъ отъ военной службы, вслѣдствіе ея несовмѣстимости съ назрѣвающими требованіями человѣческой совѣсти. Въ конечномъ торжествѣ христіанскаго начала любви и благоволенія между людьми я не могу сомнѣваться и увѣренъ въ томъ, что если не намъ, то дѣтямъ нашимъ суждено принять участіе въ наступленіи этой новой эпохи въ жизни человѣчества. Тѣ первые проблески утренней зари, при которыхъ мы съ Вами сейчасъ имѣемъ счастье присутствовать, свидѣтельствуютъ о неизбѣжномъ наступленіи въ свое время полного разсвѣта. Послѣдующія поколѣнія, пользуясь благами всеобщаго разоруженія и мира, будутъ благословлять память тѣхъ самыхъ мучениковъ, которые вотъ сейчасъ, около насъ, жертвуя собою, содѣйствуютъ наступленію этого времени. Будемъ же и мы достойны того, что происходитъ передъ нашими гла-

зами; окажемъ же и мы сильное содѣйствіе облегченію страдальческой участи этихъ провозвѣстниковъ наступающаго улучшенія человѣческихъ отношеній. Главное же, постараемся понять и исполнить то, чего въ этомъ случаѣ требуетъ отъ насъ Богъ.

Извините меня, Милостивый Государь, что, обратившись къ Вамъ по поводу этихъ людей, по своимъ стремленіямъ и положенію ставшихъ безконечно мнѣ дорогими, я далъ свободное выраженіе тому, что накопилось у меня на душѣ въ связи съ ихъ судьбою. Зная, что участь ихъ въ настоящее время находится непосредственно въ Вашихъ рукахъ, я не могъ удержаться отъ того, чтобы не написать Вамъ этого письма, которое прошу Васъ принять въ томъ же духѣ истиннаго доброжелательства, въ которомъ оно исходитъ отъ меня.

О тѣхъ практическихъ мѣрахъ, которыя Вы могли бы предпринять для облегченія участи этихъ людей, я думаю, что мнѣ нѣтъ надобности упоминать. Вамъ самимъ, конечно, лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстно, что Вы имѣете возможность, въ виду ихъ религіозныхъ убѣжденій, не требовать отъ нихъ исполненія противныхъ ихъ совѣсти военныхъ обязанностей, назначивъ ихъ для этого въ нестроевыя должности или просто отдѣливъ отъ остальныхъ заключенныхъ. Точно также Вы можете не преслѣдовать ихъ за тѣ формальныя нарушенія требованій военной дисциплины, которыя они, не принявъ на себя солдатскаго званія, могутъ проявлять безъ всякаго злого умысла. Такъ или иначе, если только Вы этого захотите, Вы найдете средства для того, чтобы предохранить ихъ отъ никому не нужнаго мученичества и облегчить, на сколько это возможно, тяжесть назначеннаго имъ срока заключенія въ Вашемъ батальонѣ.

Все это зависитъ исключительно и безусловно отъ Вашей доброй воли; и мнѣ остается только молить Отца нашего небеснаго о томъ, чтобы Онъ вселилъ и въ Ваше сердце ту любовь и ту жалость, въ которыхъ, при настоящемъ ихъ положеніи, такъ нуждаются эти братья мои и Ваши, съ Его соизволенія, оказавшіеся подъ Вашимъ попеченіемъ.

Въ заключеніе прошу Васъ, Милостивый Государь, простить меня, если я въ этомъ письмѣ высказалъ что-нибудь не такъ, какъ слѣдовало, и повѣрить искреннему доброжелательству, съ которымъ остаюсь

съ совершеннымъ къ Вамъ почтеніемъ

Владиміръ Чертковъ.

1 ноября 1896 г.

P. S. Буду Вамъ очень благодаренъ, если Вы соблаговолите сообщить мнѣ о полученіи Вами этого письма. Почтовый адресъ мой слѣдующій: Воронежская губернія, Россоса. Владиміру Григорьевичу Черткову.

ИЗДАНИЯ „СВОБОДНАГО СЛОВА“.

A. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England.

	Р.	К.
1. Напрасная Жестокость. <i>В. Черткова.</i>	—	20
2. Голосъ Древней Церкви. <i>И. Треубова.</i> (Распрод.)	—	12
3. Помогите! Обращеніе къ обществу. <i>И. Бирюкова.</i> <i>И. Треубова и В. Черткова.</i>	—	12
4. Положеніе духоборовъ на Кавказѣ въ 1896 г. <i>И. Бирюкова и В. Черткова.</i>	—	20
5. Письма Петра Васильевича Ольховина.	—	30
6. Какъ читать Евангеліе, и въ чемъ его сущность? <i>Л. Н. Толстого.</i> (2-ое изданіе.)	—	12
7. Приближеніе Конца. <i>Л. Н. Толстого.</i>	—	12
8. Объ отношеніи къ государству. (2-ое изданіе.) (3 письма: къ либераламъ и друг.) <i>Л. Н. Толстого.</i>	—	20
9. Царство Божіе внутри васъ. <i>Его же.</i>	1	—
10. Христіанское ученіе. (2-ое изданіе.) <i>Его же.</i>	—	50
11. Гдѣ братъ твой? <i>В. Черткова.</i> (Распродано)	—	20
12. Голодъ или не голодъ? <i>Л. Н. Толстого.</i>	—	10
13. Мой отказъ отъ военной службы. <i>А. Шкарвана.</i>	—	60
14. Свободное Слово, № 1. (Распродано)	1	—
15. Листки Свободнаго Слова, № 1. Повременное изданіе подъ редакціей <i>В. Черткова.</i> (Распродано).	—	20
16. Листки Свободнаго Слова, № 2.	—	20
17. Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина. Составилъ <i>Е. Поповъ,</i> съ послѣсловіемъ <i>Л. Н. Толстого.</i>	—	60
18. Николай Палкинъ. — Работникъ Емельянъ и пу- стой барабанъ. Дорого стоитъ. <i>Л. Н. Толстого.</i>	—	20
19. Свободное Слово, № 2.	1	—
20. Листки Свободнаго Слова, № 3.	—	30
21. Воскресеніе. Романъ <i>Л. Н. Толстого.</i> Четвертое изданіе. Съ иллюстраціями. Въ переплетѣ.	5	—
Пятое изданіе. Въ одномъ томѣ.	1	50
22. Листки Свободнаго Слова, № 4. „Стыдно“. <i>Л. Н. Толстого.</i>	—	5
23. Листки Свободнаго Слова, № 5. Письмо къ фельдфебелю. <i>Л. Н. Толстого.</i>	—	5
24. Листки Свободнаго Слова, № 6. О манифеста- ціяхъ въ пользу мира.	—	15
25. Листки Свободнаго Слова, № 7. Мысли Герцена.	—	5
26. Листки Свободнаго Слова, № 8. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи.	—	20
27. Листки Свободнаго Слова № 9. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи.	—	20
28. О сожженіи оружія. Разказъ <i>Н. Зибарова.</i>	—	20
29. Студенческое движеніе 1899 г. Сборникъ подъ редакціей <i>А. и В. Чертковыхъ.</i> (2-ое изданіе.)	—	30
30. Листки Свободнаго Слова, № 10. По поводу сту- денческаго движенія. <i>В. Черткова.</i> (Распродано)	—	10

31. Листки Свободнаго Слова, № 11. Левъ Николаевичъ Толстой. Свѣдѣнія о немъ и отрывки изъ его писаній. (Экзекуція. Въ казематѣ, и др.) — 10
32. Листки Свободнаго Слова, № 12. Два письма Л. Н. Толстого. (О религіозномъ воспитаніи и церковномъ обманѣ). — 10
33. Листки Свободнаго Слова, № 13. Правительственныя насилія въ Остзейскихъ губерніяхъ и Рижскіе беспорядки въ маѣ 1899 года. — 20
34. Жизнь и ученіе Іисуса. *Л. Н. Толстого.* — 25
35. Финляндскій разгромъ. Сборникъ подъ редакціей *В. Черткова.* — 60
36. Листки Свободнаго Слова, № 14. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
37. Листки Свободнаго Слова, № 15. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи. — 20
38. Листки Свободнаго Слова, № 16. Патриотизмъ и правительство. *Л. Н. Толстого.* — 20
39. 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Записки *Л. А. Волженштейна.* — 40
40. Мысли о Богѣ. *Л. Н. Толстого.* — 30
41. Практическій учебникъ англійскаго языка, примененный для русскихъ переселенцевъ въ Америкѣ. — 60
42. Листки Свободнаго Слова, № 17. „Не убій“. *Л. Н. Толстого.* По поводу убійства короля Гумберта. — 10
43. Рабство нашего времени. *Л. Н. Толстого.* — 50
44. Листки Свободнаго Слова, № 18. Гдѣ выходъ?. *Л. Н. Толстого* и выдержки изъ его писемъ за 1900 г. — 15
45. Неужели это такъ надо? *Л. Н. Толстого.* — 30
46. Списокъ матеріала о духоборахъ. Составилъ *В. Бончъ-Бруевичъ.* (Разошлось.)
47. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 1-ый. Письма П. В. Веригина. Подъ редакціей *В. Бончъ-Бруевича.* 1 —
48. Теодоръ Парнеръ. О вопросахъ религіи и біографія автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *В. Черткова.* — 40
49. Похищеніе дѣтей Хилковыхъ. По матеріаламъ, собраннымъ *В. Чертковымъ.* — 50
50. Отчетъ издательства „Свободное Слово“ за 1897 — 1900 гг. (Разошлось.)
51. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 2-ой. I. Разъясненіе жизни христіанъ. II. Быль у насъ, христіанъ, сиротскій домъ. (Двѣ духоборческія рукописи). — 30
52. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 3-ій. Разсказъ духоборца Васи Позднякова. — 40

53. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 4-ый. Духоборцы въ дисциплинарномъ батальонѣ. — 50
54. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 5-ый. Духоборцы въ тюрьмахъ. (Печатается).
55. Листки Свободнаго Слова, № 19. О современныхъ волненіяхъ въ Россіи. — 40
56. О смыслѣ жизни. Мысли *Л. Н. Толстого*. — 40
57. Листки Свободнаго Слова, № 20. Царю и его помощникамъ. Обращеніе *Л. Н. Толстого*. — 15
58. Листки Свободнаго Слова, № 21. Изъ современной жизни въ Россіи. — 40
59. Листки Свободнаго Слова, № 22. Отвѣтъ Синоду Льва Николаевича Толстого. — 15
60. Листки Свободнаго Слова, № 23. За свободу совѣсти и слова. Изъ современной жизни въ Россіи. — 40
61. Изложеніе Евангелія. Съ примѣчаніями, взятыми изъ книги „Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій“. *Л. Н. Толстого*. 1 50
62. О половомъ вопросѣ. Мысли *Л. Н. Толстого*. — 50
63. Унитаріанское христіанство. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *В. Черткова*. — 25
64. О вѣчномъ и преходящемъ въ религіи. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *В. Черткова*. — 25
65. Альбомъ художественныхъ иллюстрацій *Л. О. Пастернака* къ роману *Л. Н. Толстого* „Воскресеніе“. 1 50
66. Листки Свободнаго Слова, № 24. Единственное средство. *Л. Н. Толстого*. — 30
67. Каталогъ изданій „Свободнаго Слова“. Съ содержаніемъ. (Разсылается бесплатно).
68. Отчетъ издательства „Свободное Слово“ за 1901 годъ. (Разсылается бесплатно).
69. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 6-ой. Преслѣдованіе баптистовъ. — 75
70. Полное собраніе сочиненій *Л. Н. Толстого*, запрещенныхъ русской цензурой. Томъ I. Вступленіе къ Критикѣ Догматическаго Богословія. (Исповѣдь). (Томъ VII „Въ чемъ моя вѣра“ печат.) — 75
71. О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ. Три письма *Л. Н. Толстого*. — 25
72. О вѣротерпимости. *Л. Н. Толстого*. — 15
73. Солдатская памятка. *Его же*. — 15
74. Офицерская памятка. *Его же*. — 15
75. Что такое религія и въ чемъ сущность ея? *Его же*. — 60
76. Листки Свободнаго Слова № 25 — 05
77. Мысли о воспитаніи и обученіи. *Л. Н. Толстого*. — 30
„Свободное Слово“. Періодическое обозрѣніе.
Вышли 3 номера. Цѣна каждаго номера — 40

ПРЕДПРИНИМАЕМОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВОМЪ

„СВОБОДНАГО СЛОВА“

ПОЛНОЕ СОВРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

Л. Н. ТОЛСТОГО

будеть состоять приблизительно изъ 25-ти томовъ,
въ которые войдутъ всѣ его запрещенныя въ Россіи
сочиненія, а также писанія, еще нигдѣ не появляв-
шіяся въ печати.

Стоимость каждаго тома будетъ отъ 75 коп. до 2 руб.

Скорость появленія томовъ будетъ зависѣть отъ
поступаемыхъ на ихъ изданіе пожертвованій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Заявленіе отъ Издательства	III
Отъ Редакціи	V
Духоборцы въ дисциплинарномъ батальонѣ :	
Краткое изложеніе прошлаго духоборцевъ. Изъ статьи П. Бирюкова.	1
Отказъ отъ военной службы. Его же	5
Отрывокъ изъ одной неизданной рукописи	10
Письмо духоборовъ изъ ссылки.	11
Письмо В. А. Потапова	12
Изъ письма духоборца Васи Обѣдкова	13
Изъ разсказа духоборца Васи Позднякова	15
Разсказъ духоборца Николая Чевельдѣева	16
Разсказъ духоборца Николая Зибарова	19
Самопожертвованная любовь. Разсказъ духоборца Е. Р. Коныгина.	22
Письмо изъ дисциплинарнаго батальона	27
Разсказъ духоборца Антона Фофанова	28
Изъ письма духоборцевъ, ссылаемыхъ въ Сибирь	29
Изъ письма духоборца В. Шерстобитова.	29
Изъ письма Е. И. П.	30
Письмо 32 духоборцевъ изъ Сибири	30
Письмо политическаго ссыльнаго къ Л. Н. Толстому	31
Замѣтка отъ Редакціи	35
Письма духоборца Ф. Е. Дьячкова	36
Изъ писемъ духоборца Василя Струкова	39
Письмо Л. Н. Толстого къ начальнику Екатериноградскаго дисциплинарнаго батальона	41
Официальные документы :	
Обвинительные акты, на основаніи которыхъ духоборцы-солдаты были осуждены въ заключеніе въ дисциплинарные батальоны	44
Извлеченія изъ „Военныхъ Судебныхъ Установленій“	50
Извлеченія изъ „Свода Военныхъ Постановленій“ кн. XXII	51
Копія секретнаго отзыва штаба военнаго округа	52
Копія Всеподданнѣйшаго Доклада Министра Внутреннихъ Дѣлъ	53
Приложеніе :	
Два письма къ начальнику Екатериноградскаго дисц. батальона :	
I. И. М. Трегубова.	55
II. В. Г. Черткова	56
Списокъ изданій „Свободнаго Слова“	60

Изданія „Свободнаго Слова“ можно приобрѣсти
въ слѣдующихъ мѣстахъ :

Les éditions de la „Parole Libre“ peuvent être obtenues dans
les librairies suivantes :

АНГЛІЯ (Angleterre).

- Asher & Co. 13, Bedford Street, Covent garden, London, W. C.
F. R. Henderson, Libr. 26, Paternoster Square, London, E. C.
Grevel & Co. Library. 33, King Street, London, W. C.
H. K. Lewis, Publisher. 136, Gower Street, London, W. C.
Mudie's Select Library. New Oxford Street, London, W. C.
Nilsson & Co (Booksellers). 16-18, Wardour Str., London, W.
David Nutt. 57—59, Long Acre, London, W. C.
Russian Free Library. 16, Church Lane, London, E.
R. F. P. Fund Co. 15, Augustus Road, Hammersmith, London,
F. A. Brockhaus. 48, Old Bailey, London, E. C. [W.
Simpkin, Marshall, Hamilton & Co. 31-32, Paternoster Row,
[London, E. C.
Truslove & Hanson. 6 B, Sloane Street, London, S. W.
" " " 143, Oxford Street, London, W.
Williams & Norgate. 14, Henrietta Street, Covent garden,
[London, W. C.
Hirschfeld Bros, Publishers. 13, Furnival Street, Holborn,
[London, E. C.
Hachette & Co. Library. 18, King William Str., Charing Cross,
[London.
Kegan Paul, Trench, Trübner & Co. Paternoster House, Cha-
[ring Cross Road, London.
Bauermeister. Bookseller. 49, Gordon Str, Glasgow.
Sampson Low, Marston & Co. St. Dunstan's house, Fetter
[Lane, London, E. C.

АВСТРІЯ (Autriche).

- Gebethner i Sp. Librairie, Crakovie (Krakòw), Galicia.
Gubrynovicz i Schmidt. Librairie, Lemberg (Lwòw), Galicia.
Jout Barvic. Knihkupectvi. Brno (Brünn), Morawia.
A. Piša, knihkupectvi. 13, Rudolfova ulice, Brno. Morawia.
Grossman a Svoboda. Ferdinandova trida, Praha, Bohemia.
Höfer & Kloucek. Knihkupectvi. 24, Ruzova ulice, Praha.
I. L. Kober. Knihkupectvi. 736, Vodickova ulice, Praha.
F. Topic. Librairie française. 9, Ferdinandova trida, Praha.
Stark'sche Buchhandlung. Karlsbad, Böhmen.
Wilhelm Frick. Hofbuchhandlung. 27, Graben, Wien.
L. Rossner. Buchhandlung. 16, Franzensring, Wien.
G. Georgi, Buchhandlung. Kurort Arco Riva a/ Gardasee.
Ksiegarnia Polska. Plac Maryacki, l. 11. Lemberg (Lwòw).
E. A. Götz. Buchhandlung. Franzensbad.
Wilhelm Braumüller & Sohn. 21, Graben, Wien.

(См. 3-ю стр. обложки.)